

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Адвокатская практика

Оправдывая Буданова, мы признаем Чечню независимым государством

Процесс полковника Буданова – первое из «чеченских» дел Станислава Маркелова. Ирина Озерная взяла у него это интервью в начале июня 2002 вскоре после того как он включился в это дело в качестве адвоката потерпевших – семьи Кунгаевых.

[Ирина Озерная]: С чем, на твой взгляд, связана замена прокурора, этот уникальный поворот в деле?

[Станислав Маркелов]: Мне фактически пришлось играть в этом процессе несвойственную адвокату роль обвинителя, так как прокурор Назаров¹, по сути, оказывался четвертым адвокатом со стороны Буданова, поддерживая исключительно его позицию. Дело это изначально воспринималось многими продолжением той же войны. С одной стороны – русские: федеральный офицер и его адвокаты, с другой – чеченцы: семья Кунгаевых и адвокат Хамзаев² (очень, кстати, грамотный и опытный). Когда же я, русский адвокат, подключился к потерпевшей стороне, сложившаяся картина существенно изменилась. Я все это время пытался доказать, что дело гораздо серьезнее, чем представлялось. Оно – векторное. Хоть у нас и не прецедентная система права, дело стало показательным потому, что содержит ряд принципиальных юридических вопросов, от решения которых зависит дальнейшее направление молодого российского законодательства, то, какие нормы будут действовать на территории России в дальнейшем – юридические или дикарские. Мечь, например, у нас всегда считалась отягощающим вину обстоятельством. Буданов же, постоянно меняющий показания, стабилен лишь в одном – оправдывая свои действия именно мщением за погибших товарищей, а российский суд, как ни странно, эту мотивировку воспринимал положительно. А если мечь становится оправдывающим фактором, вся наша правовая система идет по варварскому пути. Мечь – правовая норма Чечни, и в случае оправдания Буданова возникает следующий вопрос – кто же кого там побеждает, если у нас даже судить стали по чеченским законам. Оправдывая Буданова, мы автоматически признаем Чечню независимым государством. Думаю, в связи с тем, что наконец-то это поняли наверху, и произошел этот уникальный поворот в деле, когда в последний момент был заменен прокурор. Обвинительная речь Назарова (более оправдательной речи я не слышал) была настолько курьезной с точки зрения нарушения

Закона, что высшие правоохранительные структуры, думаю, просто не выдержали, так как под сомнение ставилась уже и их честь, вся система.

И.О.: Но накануне этого поворота адвокаты потерпевшей стороны устроили демарш, отказавшись в знак протеста суду участвовать в прениях сторон. Повлияло ли это на ход событий?

С.М.: Думаю, да. Это, конечно, было риском, отчаянным шагом, но другой возможности быть услышанными у нас уже не было. Перед этим суд совершенно незаконно остановил следствие, несмотря на наши заявления о том, что не допрошены еще все свидетели и не рассмотрено множество ходатайств, объявив назавтра прения сторон. Незадолго до этого к делу подключался ростовский адвокат Тихомирова, приглашенная Кунгаевыми, которой суд не счел нужным даже дать возможность ознакомиться с материалами дела. После объявления прений по моей инициативе и произошло то, чего, насколько мне известно, еще не было в истории российской судебной практики – отказ адвокатов одной из сторон от участия в них. Прения – это итоговые выступления, высветляющие позиции сторон, и если бы мы там выступали, то дня не хватило бы на одни только перечисления ошибок, которые в наш адрес допустил суд. Реакция на наш поступок была шоковой, но тем не менее эти односторонние «прения» все-таки прошли. И вот сразу после них заменяется прокурор. Вместо Назарова появляется Милованов³, который не копирует позицию предшественника, а напротив, первоначально заявляет: «Я хочу определить свою точку зрения». Подобное на этом суде прозвучало впервые и несколько обнадежило после того, как месяц мне пришлось защищать российское право от российских же правоохранительных органов. На последнем заседании суда, впервые за всю историю этого дела, моя точка зрения совпала с мнением прокурора.

И.О.: Недавно на тебя поступила жалоба из Северо-Кавказского окружного военного суда в Межреспубликанскую коллегия адвокатов. В чем конкретно тебя обвиняют?

С.М.: В том, что я назвал суд балаганом и не подчиняюсь его решениям. Я действительно назвал его так, но не в процессе, а после окончания судебного заседания, на котором нам в очередной раз отказали в очевидных ходатайствах. Например, в материалах дела среди свидетелей Буданова появились вдруг фамилии двух его «информаторов» – Сембиева, указавшего якобы накануне убийства Эльзы на Кунгаевых как на сподручников снайперов; и Яхъяева, передавшего будто бы Буданову фотографию, изображавшую Эльзу с матерью при полном вооружении в горах. Суд вынес по этому поводу определение: свидетелей надо допросить, но тут же добавил, что найти их невозможно. Тогда мы сами находим и Сембиева, сидевшего в российской тюрьме (потому отыскать его было элементарно), и Яхъяева, находившегося по своему адресу и ждавшего все это время судебной повестки. Мы просим: «Допросите их, они же свидетели в пользу Буданова». Но суд, при полной поддержке прокурора Назарова и адвокатов обвиняемого, отказывается это делать. Вот после чего я и назвал его балаганом.

И.О.: То есть эти свидетели – фикция?

С.М.: Они – основные козыри защиты Буданова, но когда мы начали выяснять эти факты, то столкнулись с серией просто юридических анекдотов. Начнем с фотографии, наличие которой – серьезный повод для ареста Кунгаевых. Правда, этой фотографии нигде нет, ее никто никогда не видел. Далее, из документов становится известно, что оба свидетеля воевали в первую чеченскую войну, когда Эльзе было всего 13 лет. Мать Эльзы – инвалид 2-й группы с серьезным заболеванием, из-за которого не может даже работать в поле, что, по чеченским обычаям, обязательно для женщины. Представляете, 13-летняя «снайперша» с инвалидом 2-й группы при полном вооружении в горах. Даже прокурор Назаров, услышав такое, оценил эти аргументы защиты Буданова как «несерьезные». Теперь по поводу информации Сембиева. Он подтвердил, что действительно указал Буданову на дом, где поддерживают снайперов. Но тут же выясняется, произошедшая путаница. Дело в том, что в большом селении Танги-чу есть и улица Заречная, и Заречный переулок, расположенные друг от друга на расстоянии около полутора километров. Сембиев указал на дом, находящийся на Заречной улице, а пьяный Буданов, выехав ночью «брать снайпершу», появился в Заречный переулок. Дом, указанный информатором, должен был быть белым и находиться в зарослях, а дом Кунгаевых – из красного кирпича, на открытом месте. Ну, ошибся полковник, подумаешь, и взял того, кто под руку подвернулся. Причем в первом показании Буданов называл Эльзу «дочерью снайперши», а в последующих – она уже сама оказалась «снайпершей». Все это должно выясняться судом, вместо того заявившего нам: «У нас полнота исследования дела, потому заниматься этим не будем».

И.О.: Как ты оцениваешь те скандальные экспертизы Института Сербского, касающиеся этого дела?

С.М.: Первоначально психолого-психиатрическую экспертизу проводила Новочеркасская психиатрическая клиника, заключившая, что в момент совершения преступлений у Буданова действительно было изменение формы сознания, правда, в результате простого опьянения. Известно, что Буданов в день убийства Эльзы Кунгаевой праздновал день рождения своей дочери. По первым его показаниям, он выпил одновременно две бутылки водки, по следующим – количество водки снижалось до 600 г, потом до 400 г. То есть, чем дальше шло следствие, тем больше трезвел Буданов, и по последней экспертизе Института Сербского – протрезвел окончательно. Эта экспертиза дала вообще уникальные результаты, по которым во время совершения таких преступлений, как «похищение человека» и «превышение служебных полномочий», Буданов был «ограниченно вменяем», а во время убийства – уже совершенно «невменяемым, с сумеречным состоянием сознания». При этом, как утверждают эксперты, сумеречного состояния у него не было ни до убийства, ни после. Потому меру принудительного медицинского лечения ему определили как амбулаторное наблюдение и даже решили, что он ограниченно годен к воинской службе.

Факт руководства этой экспертной комиссией печально известным психиатром Печерниковой⁴, упекшей «на лечение» множество диссидентов, среди которых был, например, Вячеслав Игрунов⁵, изначально возмутил и специалистов, и общественность. Но суд не желал принимать и это во внимание. На личную телеграмму В. Игрунова, протестующего против решения комиссии, возглавляемой скомпрометированной личностью (подобные телеграммы пришли и от многих других бывших жертв Печерниковой), была послана бумага в дисциплинарную комиссию Госдумы, где говорилось: «Депутат В. Игрунов

оказывает давление на суд». (Мы шутили тогда: наконец-то нашлись виноватые в деле Буданова – депутат Игрунов и адвокат Маркелов.) Результаты психологопсихиатрической экспертизы возмутили крупнейших российских и зарубежных специалистов в этих областях, приславших в суд свои альтернативные заключения. Суд, принципиально не принимая это все во внимание, вдруг, после поворота дела, определил, что последняя экспертиза действительно противоречит предыдущим, не ответила на все поставленные вопросы, потому надо назначить новую. Для проведения ее предлагались и 6-я психиатрическая клиника в Петербурге, и Институт Бехтерева, но суд все это отклонил, выбрав все тот же Институт Сербского, где, конечно же, существует корпоративная солидарность. Правда, в комиссию были приглашены специалисты со стороны, так называемые «генералы психиатрии», в том числе еще более одиозная, чем Печерникова, фигура академика Морозоваб, руководившего Институтом Сербского в самые мрачные советские годы, объявившего невменяемым Петра Григоренко и многих-многих других диссидентов. Так что, подозреваю, новые сюрпризы нас еще ожидают.

И.О.: Что ты скажешь о признании солдата Егорова, полученном корреспондентами «МК», в том, что «прокуроры» заставили его взять на себя факт изнасилования мертвой уже Эльзы Кунгаевой?

С.М.: Видеозапись показаний Егорова, сделанная журналистами, надеюсь, поможет следствию. Но то, что девушка была изнасилована при жизни, было ясно и из результатов первой судебно-медицинской экспертизы, произведенной сразу после вскрытия тела и утверждающей именно этот факт. Следы крови – следствие лишения ее Будановым девственности – четко видны на фотографиях. Эксперт, производивший вскрытие тела, не делал гистологический анализ в связи с тем, что у него якобы не было необходимых для этого препаратов. Думаю, что на самом деле анализ этот не был проведен тогда просто в связи с очевидностью картины изнасилования. Следующая экспертиза подтверждает этот вывод патологоанатома, говоря при этом, правда, что девушка была изнасилована либо при жизни, либо сразу после смерти. Но для юридической характеристики это уже не имеет значения – факт изнасилования Будановым Эльзы Кунгаевой налицо. Далее проводится судебно-медицинская экспертиза с подключением московских специалистов, и тут с абсолютной точностью выясняется, что изнасилование было произведено не Будановым, а солдатом Егоровым, надругавшимся над мертвым телом с помощью черенка лопаты во время похорон. Независимые эксперты – а я обращался к таким ученым с мировыми именами, как, например, доктор медицинских наук, патологоанатом с 50-летним стажем А.И. Ойфа – не понимают, каким образом сейчас такое можно утверждать с точностью. Тело ведь не выкапывали, а работали только с материалами дела. Всегда в оценках всех подобных обследований на первое место ставится экспертиза патологоанатома, проводившего вскрытие, – он видел труп. Но выводы независимых экспертов, которые я привозил в Ростов, суд отказался даже приложить к материалам дела.

И.О.: Известно, что война выявляет людей, выплескивая на поверхность их лучшие и худшие качества. Для одних она – самопожертвование, героизм, а для других – возможность наживы и безнаказанных убийств. Так кто же, на твой взгляд, полковник Буданов – изначальный пользователь войны или ее порождение?

С.М.: Мне думается, что война стала средством реализации худшего в полковнике. Да, войнам всегда сопутствует множество преступлений, но ситуация, устроенная Будановым, – уже полнейший беспредел, бьющий в первую очередь по России, по возможности налаживания отношений с Чечней. Интересная деталь: 26 марта 2000 года, накануне убийства Эльзы Кунгаевой, когда жители селенья Танги-чу – наиболее лояльно расположенного к федеральным войскам! – шли на выборы президента России, Буданов с криками: «Я из вас сделаю второе Комсомольское!»⁷ – прилюдно избил главу их администрации, подошедшего к нему пожаловаться на мародерствующих солдат. Заведенное тогда уголовное дело о побоях было быстро прекращено, якобы в связи с произошедшим примирением сторон. Когда позже у главы администрации спросили, действительно ли произошло примирение, он ответил: «Меня тогда следователь попросил так написать, и вообще я боюсь, мне еще там жить». Буквально через сутки происходит беспричинный дневной обстрел мирного села и захват Кунгаевой с последующим ее убийством. Более антироссийской пропаганды в глазах чеченцев не придумали ни Хаттаб, ни Басаев. И все-таки Кунгаевы обратились за правдой в российский суд, рассказывая потом, что все селение смеялось над ними по этому поводу. Но даже если представить себе, что все то, чем мотивирует Буданов факт убийства чеченской девушки, было бы правдой, он не имел права вершить самосуд, а должен был доложить об этом находящимся рядом представителям ФСБ и ОМОН. Он, солдат, должен воевать, а не исполнять функцию правоохранительных органов. А вот действенны ли они – уже следующий вопрос, и, войдя в это дело, я решил, что провожу своего рода эксперимент над действенностью российского права.

Опубликовано 20 января 2009 г. на сайте «Новой газеты»

Типичные правовые ошибки и проблемы журналистов в досудебной практике

Из всего объема правовых конфликтов дела, связанные с журналистской деятельностью, отличаются особой спецификой. Она вызвана как особой категорией лиц, участвующих в них, так и предметом правового спора. Причем эта специфика распространяется и на гражданско-правовые, и на уголовные дела. Но если гражданские дела, возникшие в связи с журналистской деятельностью, еще имеют научное освещение, то подобная уголовная практика обычно не выходит за рамки интереса публицистики. Хотя именно от уголовного преследования серьезнее всего страдают журналисты и в Беларуси, и в России. Правда, одной из отличительных черт юридических конфликтов, вызванных журналистской деятельностью, является относительная легкость, с которой они пересекают грань между гражданско-правовыми и уголовными областями. Да и на досудебной стадии журналисты делают одинаковые ошибки. Не претендуя на всеобъемлемость, все же имеющийся опыт по самым разнообразным журналистским делам дает мне возможность выделить типичные ошибки в правовом профессиональном поведении представителей масс-медиа. Приходится

только удивляться частоте и настойчивости их повторения. Собственно, и журналисты раз за разом оказываются в одних и тех же юридических ямах.

Серьезные правовые ошибки возникают еще на стадии подготовки материалов журналистами. Прекрасно понимаю профессиональную необходимость скорейшего получения информации, но если вы делаете критический материал и ожидаете на него острую реакцию, не проще ли изначально подстраховать свою безопасность? Сделать это отнюдь не сложно. Например, направить письменный запрос (вместо устного) в организацию или должностному лицу, о деятельности которого готовится журналистский материал. Если первый не имеет никакой юридической силы, то второй впоследствии сможет стать серьезным аргументом в пользу вашей непредвзятости. И не важно, был ли получен ответ на ваш запрос или нет. Отказ отвечать или отсутствие ответа вообще фактически дает журналисту право использовать уже имеющуюся у него информацию. В данном случае позиция представителя СМИ становится юридически подкрепленной сразу двумя правовыми базами: законодательством, регулирующим положение СМИ, и законодательством, определяющим деятельность государственной службы и государственных служащих, если объектом журналистского интереса являются именно они. При этом следует иметь в виду, что государственные служащие в пределах своей компетенции обязаны отвечать и разъяснять правовые вопросы всем гражданам, а не только журналистам. Если вы так и не дождались ответа на свой запрос, то у вас уже появился козырь: закон нарушил чиновник, не предоставивший вам объективную информацию по интересующему делу.

В связи с этим в интересную правовую коллизию попадают судьи, хотя проблемы судебной журналистики будут затронуты чуть ниже. Ссылаясь на положение о независимости судей, они обычно отказываются идти на любой контакт с представителями СМИ. Но они также подпадают под положения о государственных служащих, хотя сами очень не любят это признавать, следовательно, на них также распространяются все правовые обязанности госслужащих.

В этом плане показательное уголовное дело, возбужденное в связи с заявлением федерального судьи Чудовой, узревшей в публикации известной журналистки Анны Политковской⁸ признаки совершения таких преступлений, как клевета на суд и оскорбление судьи. Отказ того же судьи от какого-либо контакта с журналисткой еще на стадии подготовки материала неизбежно привел к резко критической направленности статьи. После публикации судья Чудова⁹ вспоминает о необходимости общения с представителями прессы, правда, использует для этого правоохранительные органы. После многолетнего (!) разбирательства на стадии предварительного следствия доказана невиновность Политковской и прекращено производство по делу в связи с отсутствием состава преступления. Из-за изначально неправомερных действий судьи в рамках данного уголовного разбирательства не потребовалось даже проведения лингвистической экспертизы. В итоге федеральный судья Чудова, сама сынициировав уголовное преследование против журналистки, создала прецедент ограничения сложившегося на практике положения о правовой исключительности судей.

Одной из наиболее уязвимых правовых позиций журналистов при подготовке и проработке материалов является их работа с источниками получения информации. Я не призываю работников СМИ раскрывать свои информационные источники и понимаю, что абсолютно проверенные сведения бывают лишь в идеале, но всем журналистам желательно помнить, что ссылка на источник переносит ответственность за категорические суждения или оспариваемые факты на информатора. Здесь обязательно следует учитывать, что журналист отвечает только за факты и возможные оскорбления, его суждения полностью остаются в его неоспоримом ведении. Согласен, между этими понятиями очень зыбкая грань, и для облегчения вашей работы желательно заранее показывать материал юристу, работающему в редакции. Юрист не может влиять на текст или направленность статьи, сюжета и пр., в его задачу входит только указать на те моменты, которые впоследствии могут стать основанием для претензий или даже преследования журналиста. Такой просмотр необходим в первую очередь для острых, критических материалов, в отношении которых можно заранее ожидать реакции недовольства и судебных тяжб со стороны героев публикаций. Если заранее предполагать возможность конфликта, то зачем давать оппонентам аргументы, свидетельствующие о вашей правовой неграмотности?

Одним из любимых объектов претензий служат прямые оценочные суждения. Исключая их, вы не снизите остроту передаваемой информации. Пусть выводы, которые вы хотите, сделают сами читатели, зрители и прочие.

Особый риск незапланированной встречи с представителями правоохранительных органов имеют журналисты, работающие с материалами, которые связаны с государственной тайной. Целая череда уголовных процессов в России по обвинению в разглашении гостайны показывает исключительную опасность этой тематики для журналистов. При работе с подобным материалом прежде всего необходимо четко выяснить сферу действия запретов и получить подтверждение их границ от государственных органов. Эти разъяснения (только в письменной форме) могут впоследствии стать серьезным доводом вашей защиты. Также постарайтесь полностью исключить ссылки на техническую документацию и любые технические параметры. Читателей и зрителей обычно не интересуют подобные данные, а журналистам не придется отвечать за их разглашение. Как и в случае обнародования иных, не секретных материалов, претензии могут быть вызваны опубликованием фактов, а не суждений о них. Правда, в правовой практике возникло такое понятие, как аналитический шпионаж. В беседе со мной представители прокуратуры определяли его явлением, где фактор секретности присутствует только в знаниях автора, а не в используемых документах, и распространяется он путем обнародования аналитических выводов. Столь сложное объяснение на практике преобразуется в просто-таки афористичные формулы. Чего стоит пассаж из известного уголовного дела по обвинению Сутягина¹⁰: тайный сбор информации из открытых источников. Но даже для аналитического шпионажа необходимы определенные условия, иначе все обвинения будут выглядеть совсем уж бездоказательно. И самое главное – это профессиональная приближенность автора к источникам сведений, составляющих государственную тайну. В противном случае у него не будет знаний и навыков для подобной аналитической работы. Если вы по своей профессии далеки от секретности, то все попытки обвинить вас в совершении аналитического шпионажа – это либо прямое беззаконие, либо нереализуемые угрозы.

Помимо секретности, другим традиционным камнем преткновения в правовом обеспечении работы журналистов является освещение ими работы следственных органов и суда. Я уже упоминал о ставшем показательным уголовном деле «федеральный судья Чудова против Политковской», но большинство журналистских дел по этой тематике отнюдь не становятся прецедентными. Чтобы не попасть в череду лишних проблем, необходимо пользоваться четкими правилами, едиными, пожалуй, для всех стран как ближнего, так и дальнего зарубежья. Точно так же, как и в случаях возникновения проблем с документами, имеющими гриф секретности, при работе с материалами суда или следственных органов нежелательно обогащать журналистское расследование излишними техническими данными. На практике это означает отсутствие ссылки на конкретные номера листов дела, страницы протоколов и прочие формальные характеристики. При этом никто не вправе запрещать вам освещать дело по существу и, самое главное, давать оценку обнародованным фактам. Состав дел, которые рассматриваются в закрытом режиме, четко определен законодательством. Правда, и в этом случае судебные правоохранительные органы отработали методику отстранения журналистов от информации. В любое общественно значимое дело включается буквально один-два документа, имеющих гриф секретности. После этого положение засекреченности автоматически переносится на все дело. То, что секретные документы обычно имеют весьма косвенное отношение к существу дела, уже никого интересовать не будет. К подобной ситуации надо быть готовым и уметь законными способами противостоять ей. Во-первых, в деле в большинстве случаев остаются лица (представители сторон, адвокаты), способные излагать свое видение ситуации в пределах компетенции и не раскрывать секретных сведений. Во-вторых, несмотря на засекреченность дела, вы можете запрашивать у компетентных органов любую информацию о нем вне пределов сведений, составляющих государственную или какую-либо другую тайну. При этом на данные органы ложатся те же обязательства, что и при любом ином запросе (они обязаны ответить на любой запрос, см. выше). Полученные таким путем сведения легализуются для обнародования или, по крайней мере, ответственность за их распространение переносится на информационный источник. Этот способ почти не опробован журналистами. Обычно они предпочитают только первый вариант, т.е. опрос различных участников дела, и уже в ходе его многие допускают правовую ошибку.

Стремясь ускорить процесс получения информации, а иногда и подправить ее, некоторые журналисты работают с лицами, имеющими различное правовое положение, одновременно. Ни в коем случае нельзя сводить вместе участников дела с различным статусом до того, как они дали показания. Иначе вы рискуете подпасть под обвинение в оказании давления на органы следствия, суда, на свидетелей и иных лиц.

Столь же осторожно следует относиться и к своим материалам об острых правовых конфликтах. В данном случае вы вольны в своих оценках, но постарайтесь избежать рекомендаций (кроме самых общих) и конкретных наставлений участникам дела.

Освещение общественно значимых дел грозит правовой опасностью журналистам, и подчас очень трудно удержаться от констатации виновности тех или иных лиц. Если в простых делах применяются корректные формулировки: обвиняемый в воровстве, обвиняемый в убийстве, подозреваемый в хозяйственных нарушениях и пр., то как только вокруг правового конфликта возникает общественный ажиотаж, пелена корректности спадает.

Например, когда мною осуществлялась защита в первых делах по обвинению в терроризме в России, редкий журналист удерживался от того, чтобы не назвать обвиняемых террористами. Впоследствии, однако, со всех них обвинение в столь тяжком деянии было снято. Вышедшие на свободу лица имели полное право при желании подать в суд на представителей прессы, поторопившихся в вынесении приговора.

Еще более драматично сложились отношения прессы с одной из заложниц «Норд-Оста», Яхой Несерхоевой¹¹. За то время, пока она была в больнице и находилась до выяснения всех обстоятельств в изоляторе временного содержания, вышло несколько публикаций. В них не только утверждалось, что она террористка, но и публиковалась ее фотография, придумывались небылицы о поясах шахида, следах гексогена и какойто бабушке, которая разоблачила опасную террористку, и т.п. После выхода Яхи Несерхоевой на свободу и признания ее потерпевшей мне и ее родственникам приходилось прятать от нее эти статьи, чтобы еще больше не травмировать человека, находящегося в тяжелейшем постстрессовом состоянии. Журналистика – слишком серьезное оружие, чтобы столь беспринципно его использовать.

Но такие случаи, к счастью, бывают не столь часто. В повседневной практике самым любимым пунктом правовых притязаний к журналистам является их обвинение в распространении клеветы. Пожалуй, эти претензии можно назвать профессиональным составом обвинения журналистов. Если вы предполагаете, что ваше журналистское расследование приведет именно к таким последствиям, постарайтесь заранее озаботиться проведением правовой и лингвистической экспертиз вашего материала. Экспертизы не бывают лишними. Даже если потом будет по чьей-либо инициативе проведена еще одна экспертиза, и она придет к неутешительным для вас выводам, это приведет к назначению новой комиссионной экспертизы. Разумеется, инициировать ее проведение следует, если вы уверены в своей правоте и не сомневаетесь в должном профессионализме экспертов. Когда эти условия соблюдены, то заранее подготовленная экспертиза, помимо всего, демонстрирует солидность вашей правовой позиции.

Другим необходимым элементом журналистской досудебной дипломатии является точное определение правовой сути претензий. Обычно сторона, считающая себя оклеветанной и оскорбленной, недовольна результатом журналистской работы в целом. Ничто не мешает вам попробовать, желательно официально, выяснить у нее конкретные пункты претензий. По меньшей мере, вы приобретаете серьезный правовой аргумент в пользу того, что сами инициировали процесс урегулирования спора (удался он или нет – это уже будет вопрос к другой стороне). Если оскорбленные лица среагируют на ваши запросы, вы сможете узнать серьезность характера их претензий и уровень подготовленности. Да и накопившуюся злость лучше вылить на вас в частной переписке, чем в ходе суда и предварительного следствия.

Конечно, бывают случаи, что ввиду очевидной предвзятости или крайнего непрофессионализма, а иногда и того и другого вместе, представители суда или следственных органов сами не могут четко определить суть предъявляемых обвинений. Чего стоит официальный вопрос, заданный экспертам со стороны следствия в рязанском деле по обвинению в клевете заместителя главного редактора регионального приложения

«Новой газеты» М. Комарова¹²: использовались ли Михаилом Викторовичем Комаровым приемы скрытого речевого воздействия, и если да, то какие и с какой целью? Какими паранормальными способностями должны обладать лингвисты-эксперты, изучающие газетную статью, и в чем следствие хочет обвинить журналиста, остается только догадываться. Но даже на подобные кавалерийские наскоки от юриспруденции надо уметь грамотно отвечать. Иначе последствия грозят нанести серьезный удар по репутации, нервам, времени, материальному положению, а то и безопасности.

Журналист не должен становиться юристом, но он должен знать право в тех объемах, в которых работники опасных профессий знают приемы оказания первой медицинской помощи. Только в нашем случае это оказание помощи себе. В дальнейшем необходимо обращаться к юристам, желательно в специальные юридические службы по защите интересов журналистов, включающие как юристов, так и адвокатов. Поскольку журналистика стала самой проблемной профессией и в России, и в Беларуси, появление межреспубликанских объединений для выполнения этой цели оказывается в повестке дня. Но все же первую правовую помощь оказываете вы себе сами, и чем более профессиональной она будет, тем меньше проблем вас ожидает при общении с Фемидой.

Опубликовано в журнале «Медиа Эксперт» в 2003 г., № 2 и на сайте Института верховенства права

Последнее интервью Станислава Маркелова

Последнее интервью, подготовленное Настей Бабуровой, и последнее интервью, которое Станислав дал для «Новой газеты» 5 января 2009 г.

[Анастасия Бабурова]: Как вы оцениваете отмену Госдумой суда присяжных при рассмотрении особо важных дел¹³?

[Станислав Маркелов]: Изъятие из юрисдикции суда присяжных преступлений, связанных с государственной изменой, со шпионажем, с терроризмом, а также с массовыми беспорядками, по сути, означает отмену института суда присяжных как действенного фактора.

Заметьте, что дела, которые относятся к категории так называемых бандитских, где как раз было больше всего нареканий к институту судов присяжных, остаются в их компетенции. Я обращаю внимание, что в европейской практике только две страны исключили госпреступления из юрисдикции присяжных – Испания и Ирландия.

В соседней с Ирландией Северной Ирландии (входящей в Великобританию) были введены военное положение и прямое управление из Лондона. В Испании было де-факто введено военное положение в связи с баскским терроризмом.

Что за военное положение у нас в стране, разработчики этого закона не объяснили. Более того, если бы вы увидели сопроводительную записку к этому фундаментальному изменению в российском законодательстве, в корне меняющему уголовно-процессуальную систему Российской Федерации... Знаете, какого она размера? Это страничка и один абзац!

Вот и все пояснение, причем практически не содержащее никаких аргументов. Обычно минимальные изменения в законодательстве сопровождаются пояснительными записками на 4-8 листах, а здесь страничка и один абзац.

Судя по комментариям тех депутатов Государственной думы, которые с успехом протолкнули этот законопроект, он был введен по принципу *sui generis*, т.е. по определенному случаю.

Определенный случай – это подготовка для рассмотрения в суде дел, в доказательной базе которых сомневаются правоохранительные органы. С той целью, чтобы суд изначально определил решения по этим делам без вмешательства судов присяжных, так как наши правоохранительные органы, а сейчас и законодательные, боятся, что решение судов присяжных не будет соответствовать их интересам.

Если правовая система будет меняться по принципу *sui generis*, т.е. по определенным поводам, которые даются правоохранительной практикой, то она у нас отменится вообще. Это означает, что у нас нет законов, а есть только правоприменительная практика, которую аранжируют сами правоохранительные органы.

То же самое касается расширения административных наказаний, по сути, до уровня уголовных преступлений. Это будет означать, что применение этих наказаний не будет связано с какими-либо степенями защиты для граждан. А у нас и сейчас административные протоколы фиксируются судом фактически в стахановском порядке – без разъяснения фактической сути дела. Судьи просто не успевают дело разъяснить. Если это будет предполагать значительные санкции, например арест на несколько месяцев, то человек, попадающий в эту систему, не будет иметь реальной защиты. А подумайте, что такое для человека на несколько месяцев сесть в тюрьму? Это иногда может оказаться сломанной жизнью – потерянная работа, семья, которая остается без кормильца, потеря социальных связей. Это очень серьезное наказание, по сути, уголовное наказание для большинства.

А у нас это хотят внести для административных правонарушений – не преступлений, а правонарушений. Насколько же мы не доверяем нашим гражданам, чтобы даже за мелкие проступки так их судить?

А.Б.: А пункт, который касается организации массовых беспорядков, – не дает ли это дополнительные возможности для борьбы с инакомыслящими?

С.М.: Дело в том, что государственные преступления почти всегда так или иначе касаются инакомыслия. Другое дело, что это инакомыслие действительно иногда бывает противоправным и даже преступным. Если террорист совершает свои преступления из-за идейных мотивов, то он, безусловно, преступник, но одновременно и инакомыслящий. Просто он взял на вооружение методы борьбы, которые абсолютно недопустимы в обществе.

Но если это отдается на общественный суд, то он в лице присяжных определяет, что в этом деле преобладает – желание разобраться с инакомыслием или действительно наличие преступных методов данного лица. Во втором случае, естественно, никто не смотрит на его взгляды, а он несет заслуженное наказание. Но если общественного суда присяжных нет, то это определяется фактически волевым государственным решением.

А.Б.: Дает ли коллегия из трех профессиональных судей, как предполагает новый порядок, возможность для вынесения объективных решений? По сравнению с судом присяжных?

С.М.: Судьи – это государственные чиновники. А госчиновники всегда вписаны в вертикаль власти. Можно сколько угодно говорить о независимости судей, но посмотрите статистику. Сколько судей потеряли свою должность? Много. А сколько из них потеряли свою должность из-за жалоб граждан? Эта цифра может приближаться к нулю.

Получается, что судьи очень жестко подчинены собственной судебной вертикали. А судебная вертикаль, естественно, вписана в вертикаль власти. Поэтому что три судьи, что один, что коллегия из сорока судей... Если они будут рассматривать определенное дело, есть всегда вероятность того, что они станут руководствоваться не правовыми мотивами, а мотивами так называемых государственных или ведомственных интересов.

А.Б.: По поводу условно-досрочного освобождения бывшего полковника Буданова. Может ли это решение вызвать массовые протесты в Чечне?

С.М.: Ситуация на Северном Кавказе – и социальная, и психологическая – серьезно отличается от ситуации в России в целом. Там такие решения необязательно вызывают немедленные реакции, когда выплескивается общественное недовольство, а затем все забывается. Там реакция может быть долговременной. И проявится позже – на Северном Кавказе никто и ничего не забывает. И в данном случае не надо забывать того факта, что, например, чеченского полевого командира и реальных бандитов, которые руководствовались сепаратистскими идеями и исламистскими идеями, никто никогда не пытался освободить условно-досрочно.

А ведь в данном случае мы говорим о преступлениях одного уровня – особо тяжких преступлениях против личности, которые состоялись приблизительно в одно и то же время. Причем в отношении деяний полковника Буданова мы можем даже говорить о более отрицательном влиянии на общественное мнение. Потому что чеченские сепаратисты и исламисты совершали свои преступления не под лозунгами Российской Федерации, а наоборот – под лозунгами прекращения действия российских законов, российской власти.

А Буданов был лицом, которое представляло именно российскую власть и российские силовые структуры. Соответственно его действия – это прямая дискредитация российской власти. А сейчас эту дискредитацию продолжил суд, показывая, что никакой объективности в оценке схожих преступлений на одной и той же территории, в одном и том же вооруженном конфликте ждать не приходится.

А.Б.: И к каким результатам это в принципе может привести?

С.М.: Это может привести к утверждению мнения Северного Кавказа, что российская судебная система не работает. Либо работает по политической указке, выполняя определенные политические функции, нарушая принцип объективности и универсальности.

В любом случае – будет ли кратковременный взрыв общественного недовольства или длительная затаенная обида – крайне неприятных последствий не избежать.

Опубликовано в «Новой газете» 21 января 2009 г.

Последняя пресс-конференция Станислава Маркелова: «Незаконный выход Буданова из колонии»

Выступление Станислава Маркелова 19 января 2009 г. на пресс-конференции в связи с условнодосрочным освобождением полковника Буданова. Это была вторая пресс-конференция на эту тему, первая прошла на неделю раньше – 12 января 2009 г.

На вопрос, заявленный темой сегодняшней пресс-конференции, мало кто может ответить, включая самого Буданова. 24 декабря принимается решение об УДО на основании лживых фактов, предоставленных прокуратурой, которая заявляет, что по делу Буданова невозможно найти потерпевших, что сам Буданов не представляет общественной опасности. Я напому: несмотря на то, что семья Кунгаевых находится сейчас в Норвегии, они вынуждены были обратиться в полицию в связи с угрозами, поступившими в их адрес, а одна из дочерей находится под личной охраной, которую правоохранительные органы не предоставляют без веских оснований. Сейчас я могу говорить об этом совершенно свободно, имея доказательства, что прокуратура врет. Если бы это было не так, они бы уже подали на меня в суд.

Если бы сторона потерпевших не имела права обжаловать решение суда, то Буданова бы выпустили еще 3 января. Раз его не отпустили, значит, на тот момент суд решил, что потерпевшая сторона имеет право подавать жалобу. В УПК четко написано, что любые участники процесса имеют право обжаловать решение суда. Когда один человек несколько раз на дню меняет свою точку зрения, ставится вопрос о его вменяемости. В данном случае несколько раз на дню меняет свою точку зрения суд. Нормы права здесь и рядом не лежали. На мои запросы относительно освобождения Буданова Димитровградский суд отвечал по факсу. Я вообще не понимаю – когда это официальная переписка велась по факсу? Вместо того чтобы посылать официальный документ с печатями и т.д., мне его отправляют по факсу. Такое впечатление, что они мне интимную переписку устроили.

Кому это выгодно? Как ни странно, Буданову это невыгодно. Потерпел бы еще немного – и легально бы вышел на свободу. Ему было бы это намного выгоднее. Невыгодно это и суду – так подставляться. Если говорить о политических силах, я уверен, что разным группам,

симпатизирующим Буданову, это тоже невыгодно. Буданов им нужен как герой, а не как раскаявшийся преступник. Это невыгодно и прокуратуре, которая играет в молчанку. Вы хоть одно заявление от них слышали? Хоть формальное? Хоть отбrehивание? Такое ощущение, что они сами подталкивают общественное мнение к мысли, что это был заказ.

Не нужно забывать, когда и в каких условиях началась эта история. Восемь лет назад за справедливостью люди в Чечне не обращались в суд, а шли в лес. Потом обстановка постепенно начала немного меняться – сколько усилий на это было положено, сколько труда, чтобы люди обращались не к сепаратистам, а в суды. Поэтому в контексте дела Буданова более наглую демонстрацию того, что зря вы это делали, трудно представить. Это освобождение выгодно тем, кто бегают по горам, потому что нет законного решения об освобождении Буданова. Если бы хотели соблюдать хоть минимум законности, подождали бы решения Ульяновского суда и более-менее легально освободили бы. Кому это выгодно? Тем, кому выгодно, чтобы российские правовые институты на Кавказе не установились.

Раз правоохранительные органы бездействуют, я вынужден взять на себя их функции. Решение об отказе в подаче жалобы на освобождение Буданова будет обжаловано, потому что меня не интересует мнение какого-то судьи Дубова¹⁴, меня интересует мнение председателя Верховного суда Лебедева.

За Будановым числятся еще преступления. Сейчас идет следствие¹⁵. Когда мы начинали дело против Буданова, мы не хотели распыляться, а сосредоточились на наиболее доказательных фактах, решили добиваться обвинения по одному эпизоду. Факты эти были общеизвестны, их нельзя списать на военное время, это факты отношений лично Буданова с мирными жителями, которые приходили к нему без оружия. Прокуратура молчала об этом девять лет. Я буду требовать поднятия материала.

Сейчас вопрос к следственным органам, чтобы следственные действия перешли в расследование. Срок давности еще не прошел, он составляет 15 лет. Как же лицо с таким хвостом оказалось общественно безопасным? Прокуратура обязана реагировать на противоправные факты. Если бы я врал, на меня уже подали бы в суд.

В данный момент я намерен, во-первых, подать официальную жалобу на письмо, подписанное судьей Дубовым. Когда я узнал об освобождении Буданова, я сразу заявил, что, как только будет известно, кто дал приказ о выходе, мы подаем в суд на этого человека, это статья, поскольку решение незаконно. Этим человеком сделали какого-то судью Димитровградского горсуда Дубова.

Во-вторых, я намерен обратиться в управление Генпрокуратуры на Северном Кавказе с просьбой взять под свой контроль проверку по фактам преступлений, совершенных Будановым, и возбудить уголовное дело.

В-третьих, до 29 января я жду ответа от председателя Верховного суда Лебедева.

Мне бы не хотелось выводить это дело из внутрироссийской плоскости, я стараюсь решить эти вопросы внутри страны. Но если прокуратура и суд уйдут в блиндажи, если все спрячут головы в песок, если все сыграют в страусов, я вынужден буду перевести это дело в область

Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на первом процессе «Кадета»

Выступление в Октябрьском суде г. Грозного 25 марта 2005 г. на процессе, связанном с исчезновением в 2001 г. Зелимхана Мурдалова, которого вывез в неизвестном направлении милиционер Лапин по прозвищу «Кадет»¹⁶.

Ваша честь! Меня много раз спрашивали, почему я работаю в этом регионе РФ, не страшно ли мне здесь работать, также как и любому человеку, который сюда приезжает, тем более постоянно живет. Но я понимаю, что Чечня – это больше чем ее географические границы. На протяжении десяти лет здесь безвластие и это распространяется на всю Россию и даже больше, чем на Россию. Наводить порядок, приводить ситуацию в соответствие с законом нужно непосредственно на той территории, где беззакония начались. Преступник должен отвечать там, где совершил преступление, а не в Москве, в Ростове и даже не в Страсбурге. Только в этом случае право будет демонстрировать себя как реальную силу. Расследованное дело является одним из самых ярких примеров этого произвола и безвластия, и оно не может быть оправдано борьбой с НВФ, поскольку даже задержание Зелимхана Мурдалова, хотя оно и было незаконным, никак не было связано с какими-либо обвинениями в участии в НВФ. За все время следствия только однажды от свидетеля Кондакова звучало обвинение в участии в НВФ и то не в адрес Зелимхана Мурдалова, а в адрес его отца. И тогда же был выяснен его клеветнический характер. Поэтому в отношении Лапина не может применяться действующая амнистия, так как она распространяется на участников вооруженного конфликта, а Лапин никоим образом в конфликте не участвовал.

Кроме того, амнистия является актом гуманизма государства по отношению к лицам, признавшим свою вину или раскаявшимся в содеянном. Лапин вину свою не признал, в содеянном не раскаялся. Следовательно, амнистия не может применяться ни по фактическим, ни по процессуальным основаниям. Нельзя также признать потерпевшего хоть скольконибудь виновным в совершении каких-либо противоправных действий, так как незаконность его задержания доказана и работниками милицейского следствия и работниками прокуратуры. Свидетели, которые подписали протокол изъятия наркотиков, находились в зависимом положении от лиц, производивших изъятие, и сами, опасаясь за свою безопасность, не имели возможности отказаться от подписи. Поэтому были вынуждены ставить подписи, о чем они указали в зале суда. Незаконность пребывания потерпевшего в изоляторе временного содержания (ИВС) подтверждается тем обстоятельством, что его вообще не было в списках задержанных. Кроме того, в показаниях врача Малюкина четко указано, что на теле Мурдалова не было никаких следов применения наркотиков, и

Мурдалов не находился в состоянии наркотического опьянения.

Помощник прокурора г. Грозного Баталов заявил, что территория, контролируемая Октябрьским ВОВД была похожа на Бермудский треугольник, где регулярно совершались противоправные действия. При этом он заявил, что именно на территории, контролируемой Октябрьским ВОВД, было найдено 64 трупа. Это не частное заявление, а официальные показания должностного лица. По показаниям иных свидетелей, Лапин отличался особенной жестокостью даже в этом подразделении. Неудивительно, что обвиняемый ссылается на лестницу, как на причину падения Мурдалова, поскольку это обычное определение при получении телесных повреждений или даже гибели внутри милицеских объектов. Однако впервые лестница стала виновной не только в получении телесных повреждений, но и в исчезновении человека. После осмотра потерпевшего врачом Малюкиным и его вывода, что такие повреждения невозможны при падении с высоты собственного роста или с лестницы, уже не имеет значения, какого размера или высоты была там лестница. Зелимхан Мурдалов сам сказал, что получил повреждения при падении с лестницы, опасаясь, наверное, новых побоев, поэтому в его слова не поверил даже врач. Впоследствии в камере он четко и неоднократно говорил, что к нему применялись пытки, в том числе указывал на позывной лица, который его пытал. Телесные повреждения у Мурдалова заметил и начальник ИВС Гульнев. При этом ссылки обвиняемого и его защиты на сговор всех свидетелей выглядят нереальными, так как невозможно себе представить сговор начальника ИВС и бывших задержанных, а также гражданского врача и всех экспертов, дающих заключение против Лапина. Тем более что начальник ИВС прекрасно понимал, что в случае дачи им заведомо ложных показаний он несет уголовную ответственность, и вряд ли он стал придумывать что-либо в своих показаниях. Наверное, по версии обвиняемого в заговоре против него участвовали все работники предварительного следствия, и заместитель генпрокурора Фридинский, подписавший обвинительное заключение, и Генеральный прокурор РФ Устинов, которому Лапин неоднократно жаловался, и Президент РФ Путин. Вряд ли столь широкий круг лиц был заинтересован в том, чтобы осудить Лапина.

На самом деле отсутствие какого-либо сговора доказывает поведение одного из основных свидетелей Кациева, который первоначально вообще не понимал причину своего привода в судебное заседание и свой статус. Именно этот свидетель дает четкие показания о том, что Мурдалов лично говорил ему, что Лапин избивал его, и впоследствии он нашел в милицеской машине, принадлежавшей Октябрьскому ВОВД, медный браслет Зелимхана Мурдалова. Эти показания полностью подтверждаются и показаниями других сокамерников и утверждением начальника ИВС Гульнева.

В ходе предварительного следствия, так же как и в суде, обвиняемый неоднократно менял свои показания. Он имеет на это право, но это дает основания сомневаться в правдивости его каждой новой версии. Ссылки Лапина на применение физического насилия в чеченском РУБОПе17, как на причину изменения своих показаний, выглядят несостоятельными, так как он постоянно менял свои показания и до ареста, и после освобождения из-под стражи. Показания, данные в период нахождения в ОРБ-2, вообще не были включены в обвинительное заключение. Другое объяснение обвиняемого, что он не понимал характера дела и не разбирался в законодательстве, выглядит вообще несерьезным, так как он имеет высшее юридическое образование, и до момента ареста занимался правоохранительной

деятельностью, работал следователем. Если он не знает закона, то как он проводил следственные мероприятия. Следствием накоплена такая доказательная база, что доказательств вины Лапина хватило бы не на один приговор. Поэтому я полностью присоединяюсь к позиции прокурора и прошу признать Лапина виновным по всем трем предъявленным статьям обвинения и назначить ему максимальное наказание.

Кроме того, в ходе судебного следствия раскрылись факты причастности к совершенным преступлениям иных лиц, которых предварительное следствие считало неустановленными. В связи с этим прошу выделить материалы из уголовного дела и передать прокуратуре: в отношении Прилепина – за превышение должностных полномочий и нанесение тяжких телесных повреждений; в отношении Минина, Варлакова, Журавлева – по факту превышения должностных полномочий. Четко вину и относимость к преступлению каждого из них должна установить прокуратура. Причиной таких жестких, но справедливых требований является не желание отомстить преступникам, поскольку в Чеченской республике легче прибегнуть к мщению, а не идти по долгому, законному пути, а необходимость установить власть правосудия. А также для того, чтобы люди, пострадавшие от преступников, могли обратиться в правоохранительные органы. Я прошу суд вынести обвинительный приговор. Я считаю также, что это дело даст нам шанс перейти на мирные рельсы.

Публикуется впервые

Речь Станислава Маркелова – адвоката потерпевшего на втором процессе «Кадета»

Выступление в Октябрьском суде г. Грозного 6 ноября 2007 года

Уважаемые судьи, процесс, действительно, странный¹⁸. Мы знаем мало процессов по серьезным преступлениям, которые длятся семь лет, но даже сейчас есть понимание, что при любом решении суда это далеко не конец. Настрой сторон не стал мягче друг к другу, наоборот, более принципиальным. Понятно, что любое решение суда вызовет недовольство одной или другой стороны.

Обычно считается, что адвокат должен всегда защищать интересы обвиняемого, хотя в реальности это далеко не так. Это особенно относится к тем процессам, где число потерпевших очень большое. В данном случае потерпевшими оказались чуть ли не все граждане республики, в первую очередь те, кто не принимал реального участия в боевых действиях. У кого было оружие, могли себя защитить, а у кого оружия не было, страдали в первую очередь, и именно от тех, кто должен был их защищать. В данном случае граждане оказались между молотом и наковальней, между теми, от кого они должны были защищаться, и теми, кто должен был их защищать. И там, и там они чувствовали себя в

положении потенциальной мишени.

Используя профессиональный навык, я пытался представить себя в положении адвоката Кадета-Лапина и высчитать все его варианты защиты. В ходе следствия он умудрился пять раз поменять свою позицию. Конечно, можно поменять ее и сорок раз, но раз прозвучали все версии, я повторю все аргументы, которые он выдвигал начиная с первых дней допросов.

Первая версия: Зелимхану Мурдалову были нанесены побои не сотрудниками Ханты-Мансийского ОМОНа, а федералами, которые его задержали. При этом, правда, свидетельница Ибахиева, которая находится в очень плохих отношениях с теми же федералами (по ее словам, они избили ее мать), прямо показывает, что задержание Мурдалова было, а вот избиения – нет. Двое других свидетелей, Дошукаев и Сулейманов, говорят одно и то же: на момент, когда их вызвали в качестве понятых, Зелимхан Мурдалов был чистым, т.е. без следов побоев. Следователь Журавлев опять-таки поясняет, что никаких следов побоев не было. Я не думаю, что четыре человека могли сговориться, включая следователя Журавлева.

Следующая версия та, что возникла в ходе следствия: виной всему оказалась лестница. Я прекрасно понимаю, что лестница – это самое страшное место во всех милицеейских отделениях. Если возникают повреждения, убийства, то всегда виновата лестница. Но обратите внимание, у каждого, кто сюда приходил в качестве свидетелей, находившихся в камере изолятора, я спрашивал, не падал ли кто-нибудь в тот вечер с лестницы. На меня смотрели с каким-то удивлением. Согласитесь, если человек высокого роста, каким был Зелимхан Мурдалов, падает с лестницы, то не слышать это падение просто невозможно. Наверное, врач Малюкин находился тоже в сговоре с нами, еще с той страшной ночи, если он сразу написал, что эти повреждения невозможны при падении с лестницы. И я не верю, что при падении с лестницы может быть оторвано ухо, повреждены внутренние органы, отбита промежность и так далее. Что это за лестница такая?

После этого на этапе следствия вдруг возникает один из убитых сотрудников милиции г-н Таймасханов как должностное лицо, которое якобы причастно к данному преступлению. Надо отметить, возникает он, по удивительному стечению обстоятельств, после своей гибели. Мы знаем, что наиболее простой и распространенный способ снять с себя вину во всем уголовном мире – это перенести ее на тех, кто пропал, или на тех, кто погиб. Вопрос в другом: зачем тогда Лапин подделывал документы, касающиеся освобождения из этого здания Мурдалова, за какое-то иное лицо. Это такая странная дружеская помощь или же с нами в сговоре оказываются неизвестные нам люди: ставропольские медики, почерковеды и другие эксперты? Причем, обратите внимание, эти экспертизы проводились даже не по назначению прокуратуры Чечни, они проводились по назначению управления Генпрокуратуры на Северном Кавказе в Ессентуках. Все они, наверное, тоже вошли в единый круг по сговору за осуждение Лапина.

Лапин утверждает, что 3-го числа он отдыхал и именно поэтому не мог нанести Зелимхану Мурдалову телесные повреждения. Почему же тогда на него указывают все сокамерники потерпевшего? Определить его было очень легко: по выбритому знаку на затылке. Каким образом в кругу лиц, четко указывающих, что именно Лапин выводил с утра Мурдалова,

оказался еще и начальник ИВС Гульнов?

Наконец, последняя версия, которую мы услышали. Она звучала и на предыдущих заседаниях: «Меня запутали, меня обманули, я не думал, что я обвиняемый, я был свидетель, меня сделали подозреваемым, мне что-то прикрыли на первой странице допроса и делали прочие нехорошие вещи следователи, они угрожали мне арестом». Если бы перед нами сидел четырнадцатилетний подросток, я бы еще поверил. Если бы на месте подозреваемого сидел крестьянин из глубокой деревни, я бы поверил. Но когда эти слова мы слышим от лица, имеющего высшее юридическое образование и постоянно работавшего в уголовной системе, жалобы на то, что его самого обманули следователи, то какой же он тогда оперативный работник? Или он не знал закон, что даже как свидетель на допрос он мог прийти с адвокатом? А почему следователи не должны были ему верить? Ведь человек, имеющий высшее юридическое образование и работающий в сферах уголовного права, может сам себя защитить, причем подчас лучше любого другого адвоката. Либо человек работал оперативником и имеет опыт работы в подобных делах, либо не надо говорить, что меня много раз обманывали и именно поэтому я менял свои показания.

Меня меньше всего интересуют те показания, которые даны Лапиным в ОРБ-2. Я говорил об этом еще на предыдущем заседании. Невозможно себе представить более четкой доказательной базы преступления и без показаний Кадета в ОРБ-2. Его причастность подтверждается двумя выводами экспертиз, причем обе дополнительные; свидетельскими показаниями лиц, с которыми имел общение Лапин; свидетельскими показаниями сослуживцев или лиц, которые не имели никакой ведомственной подчиненности и которые вообще не являлись жителями республики, как, например, врач Малюкин. Что еще нужно для доказательной базы?

Лапин утверждает, что нет лиц, конкретно указывающих на него. Это не так. Обратите внимание, что у всех, кто здесь был, я под протокол выяснял, есть ли какие-нибудь основания оговаривать обвиняемого. Защита обвиняемого подозревает свидетеля Кадиева в желании оклеветать бывшего оперативника. Однако что бы ни говорил Кадиев – выгораживает он его или нет, клеветает или нет – на судьбу Кадиева это никак не повлияет, он сидит по другому делу. И потому у него нет никаких оснований говорить неправду. Лапин сам признал, что говорящий здесь о пытках и жестокости Хадаев просто не работал с Лапиным, следовательно, у него нет оснований его оговаривать. Более того, Хадаев прямо сказал, что ему жалко Лапина, который здесь находится один. Свидетель Израилов, прямо указывающий на применение пыток Лапиным, в том числе в отношении потерпевших, также по утверждениям самого Лапина с ним не работал. То же самое касается и свидетелей Далаевых и Дашукаевых. Что же это за заговор, неужели включающий и зам. Генерального прокурора Фридинского, подтасовывающего документы ради одного лица, чтоб его обвинить?

Или же есть элементарное объяснение, четко проскальзывающее на первых допросах самого обвиняемого. Он не предполагал, что это приведет к тем самым последствиям, которые происходят сейчас. Он никогда не думал, что его будут судить. Он считал, что будет та самая ситуация, о которой рассказывал прокурор Баталов¹⁹, – когда на попытки вызвать милиционеров в прокуратуру, вместо милиционеров или вместе с ними появилась

куча вооруженных людей, буквально берущих штурмом здание прокуратуры, устраивающих там погром, берущих прокуратуру под стволы бронемашин, издевающихся над прокурорскими работниками. Естественно, в такой ситуации о какой-то ответственности говорить невозможно.

Это дело особо значимо, потому что оно ставит вопрос не об одном человеке. Значимость заключается в том, что в любом месте, в любом регионе, тем более в том, где произошли столь страшные драматические события, ставится вопрос, что превыше всего. Либо власть человека с ружьем, либо уверенность любого гражданина, что можно прийти за своей защитой в милицию и не оказаться пропавшим на следующее утро, что его хотя бы попытаются защитить. Уверенность, что он сможет прийти в прокуратуру и прокуратура будет разбираться с его делом, а не говорить, что мы сами их боимся. И самое главное, это не вопрос одного Лапина, Лапин – это просто винтик в механизме. Но я не согласен со свидетелями, которые его жалели, мол, из-за вот этой выбритой надписи «Кадет» он один попал под суд. Но свидетели не знают российских законов и очень сильно ошибаются.

Лапину повезло. Дело в том, что со времени этого инцидента прошло более пяти лет. А по нашим законам, если в течение пяти лет человек является пропавшим без вести, он может быть признан погибшим. Если бы уголовное преследование Лапина началось не тогда, а допустим, сейчас, к нему можно было бы применить не ст. 111 ч. 3 УК РФ (нанесение тяжких телесных повреждений с отягчающими обстоятельствами), а гораздо более серьезную статью. Из-за того, что сегодня Зелимхан Мурдалов может рассматриваться как погибшее лицо. И сами понимаете, что это уже статья «убийство» или ст. 111 ч. 4 (нанесение тяжких телесных повреждений, повлекших смерть человека), что практически не отличается по тяжести наказания за убийства. Законодательство не позволяет утяжелять статьи по сравнению с первоначальным обвинением, данным на предварительном следствии. Потому Лапину очень повезло в плане предъявления обвинения.

Да, он оказался исполнителем, причем наиболее ретивым исполнителем, раз его так четко все запомнили. В отделе Ханты-Мансийского ОМОНа находилось на тот момент гораздо большее число людей, однако, обратите внимание, здесь повторялись одни и те же: Лапин, Кадет, Алекс, Алекс-Лапин, Минин. То есть одни и те же лица отличались повышенной жестокостью. Я понимаю, в той ситуации реальная власть была только у тех, кто имел силу и жесткость. Но если эту тенденцию не остановить, если не восстановить силу права, то она будет расползаться все дальше и дальше. Я прекрасно понимаю, что сила права устанавливается только по одному очень простому критерию: человек должен нести ответственность за содеянное там, где он содеянное совершил, независимо от того, где он живет, какой национальности, какое должностное лицо. Только на этом держится сила закона.

Еще об одном. Этот вопрос, наверное, задавал здесь каждый участник процесса: зачем я вошел в это дело. И я задавал себе этот вопрос. До этого дела я ни разу не был в Чечне и Чечни вообще не знал. Когда я приехал, захотелось очень простых вещей, чтобы я здесь работал так же, как и в любом другом регионе. Я постоянно бываю в различных регионах.

Очень важно, чтобы здесь у любого человека, в том числе и у Лапина, был адвокат, постоянно его защищающий. Адвокат, а не электропровода, которые привязываются к ушам задержанного, чтобы, когда Лапин крутил диск, его било током, и это называлось «Звонок адвокату». Для того чтобы и у обвиняемого Лапина была элементарная медицинская помощь, хотя бы на уровне таблеток анальгина, а не дубинка с надписью «Анальгин», которая применялась тогда, когда человек просил медицинской помощи. Для того чтобы лестницы не были инструментами пыток в милицеских отделениях. Чтобы родственники знали, где находится задержанный, могли прийти к нему на свидание и передать ему необходимое. Чтобы им не сообщали на следующее утро, что их родной человек отпущен, одновременно находится в больнице, улетел в космос, куда угодно, только к нам не приходите. Для того чтобы можно было обратиться в прокуратуру и прокурорские работники сами не боялись преступников. Кажется, что это элементарно. Если мы здесь и сейчас не установим власть и право, которые должны быть в каждом регионе, мы этого не добьемся никогда. Это вопрос принципа, вопрос больше одного процесса: либо устанавливается сила права, либо эта сила отдается автомату и взяткам.

В этом деле мы умудрились собрать очень серьезную доказательную базу в экстремальных условиях, причем намного большую, чем необходимо для подтверждения обвинения. Дело, которое слушается сегодня, можно квалифицировать по более серьезным статьям, чем существующее обвинение, доказательная база подтверждена экспертными заключениями, показаниями свидетелей, показаниями сослуживцев, показаниями специалистов. А защитой Лапина и самим Лапиным было дано множество взаимоисключающих версий. Поэтому я прошу признать его виновным по всем предъявленным обвинениям и назначить максимальное наказание, которое предусмотрено Российским законодательством по данным предъявленным статьям.

Опубликовано на сайте Института верховенства права: www.ruleoflaw.ru

Сила закона против закона силы

Это полный текст интервью С. Маркелова, которое в печатном издании сборника было опубликовано с существенными сокращениями. Для этой цели в интернет-версию добавлены страницы (42-1-42-8)

PIPSS.ORG: Вы работали адвокатом в деле Буданова, и вы создали Институт верховенства права. Этот институт давно существует?

Станислав Маркелов: Около двух лет.

Р.О.: А кто его создал?

С.М.: Я.

Р.О.: В каких регионах он работает в России?

С.М.: Если я не ошибаюсь, в России он работает в 22 регионах, плюс в СНГ (Белоруссия, Украина).

Р.О.: А как это финансируется?

С.М.: Никак. Методом «общего котла».

Р.О.: Значит Вы – коллегия адвокатов, и к Вам обращаются?

С.М.: Нет, мы не коллегия адвокатов – каждый из нас находится в своей коллегии. Мы – общественная организация. И у нас не только юристы: к нам уже присоединились журналисты, которые занимаются правовой тематикой, социологи, переводчики, психологи...

Р.О.: Но у вас есть помещение?

С.М.: Помещение минимальное: в каких-то регионах оно побольше, а в Москве мы буквально ютимся. Арендуют небольшую комнату в центре города, но это очень дорогая аренда. Мы вообще не имеем ни грантов, ни финансирования.

Р.О.: Сколько военных дел вы вели?

С.М.: Постоянно веду их.

Дело 1 – Офицер против солдат

Р.О.: Смогли ли бы вы выбрать два-три дела?

С.М.: Дело, которым я как раз сейчас занимаюсь, рассматривает Волгоградский военный суд. Фабула там такая: ночью, в военную часть приходит информация: «наш караул избит». Нападение на караул является воинским преступлением, причем тяжким. Естественно, поднимается тут же весь взвод, и обнаруживает пьяного офицера в гражданском и кучу пьяных контрактников, только что вернувшихся из Чечни. Это – те, кто напал на караул. Все произошло больше года назад, а дело рассматривается сейчас, и я сейчас часто езжу в Волгоград. Офицер выскакивает и орет матом: «Я сейчас вам всем дам по морде». Его отпихивают, пытаются напасть на контрактников, избивших караул. Начинается массовая драка, офицер участвует в драке, и его самого бьют. Все это, возможно, прошло бы незамеченным, но тут приезжает комиссия Генштаба, чтобы хоть как-то прикрыть действия офицера. А поскольку за действия офицеров отвечает руководство, то в отношении двух солдат-срочников возбуждают уголовное дело по факту нападения на офицера. А то, что офицер был пьян, и был в гражданской форме, и то, что он сам полез драться....

Р.О.: Он не имеет права быть в гражданской форме?

С.М.: Тогда непонятно – офицер ли это был вообще? На все эти факты никто уже не обращает внимания. Как только кто-то из солдат начинает «активничать», ему вменяют статью. Например, статью за вымогательство – только из-за того, что другой солдат не возвращал долг, а он его потребовал вернуть. А тот суд идет до сих пор. Это типичная ситуация, когда прикрывают действие офицеров путем возбуждения уголовных дел против солдат.

Р.О.: А тот, другой солдат – не срочник?

С.М.: Те, против кого возбудили дело – срочники. А тот, другой – контрактник.

Р.О.: Когда вы употребляете слово «солдат», это может быть и срочник, и контрактник?

С.М.: Да. Это общий термин. Рядовой. Это типичное дело – именно в том плане, что преступление офицеров покрывают за счет солдат. В данном случае это массовая драка.

Плюс к этому, имеются общие военные проблемы, которые возникли еще в 90-е годы. Тогда возникла страшная ситуация с хозяйственными преступлениями в армии, потому что Гайдар разрешил там коммерческую деятельности. И все военное имущество стало распродаваться на корню.

Р.О.: Это для людей было вопросом выживания?

С.М.: Для многих это был вопрос выживания, но сначала кто-то набивал карманы, а оставшиеся – выживали. Распродавали тогда всё, что только можно. Я не знаю, как насчет оружия массового уничтожения – не могу дать гарантию, что его не продали, потому что распродавалось все. Включая солдат – как «рабов» для строительных нужд.

Р.О.: В этом деле вы защищаете солдат?

С.М.: Да. Одного из них, но позиция у них общая. Кстати, второго защищает адвокат Тихомирова – та самая, которая была со мной в деле Буданова. В деле Буданова она, так же как и я, защищала потерпевшую сторону. Она защищала потерпевшую сторону и в деле Ульмана.

Дело 2 – Прокуратура против Комитета солдатских матерей

С.М.: Второе дело, о котором я могу Вам рассказать, это дело, которое вела военная прокуратура в отношении Людмилы Ярилиной, руководителя Комитета солдатских матерей во Владимире. Она регулярно спасала парней из армии, и в данном случае она спасла двух ребят. Одного из них избивали сослуживцы в военной части, а второй после ранения попал в госпиталь из Чечни, и «почему-то» не захотел туда вернуться. У него было тяжелое ранение, его контузило от взрыва. Ярилина с помощью врача помогла установить диагноз этим двум парням, который показался военной прокуратуре некачественным, и она возбудили дело по поводу того, что Ярилина, якобы, умышленно помогала уклониться от армии. Интересно, что поскольку наши гражданские судьи, как правило, менее чистоплотные, военная прокуратура специально перевела это дело в общегражданский суд.

Р.О.: Это законно?

С.М.: Раньше это было недопустимо, а сейчас законно. Гражданский прокурор не может передать дело в военный суд, а военный прокурор может передать дело в гражданский. В деле участвовали военные прокуроры, причем уровня Центрального военного округа, а это довольно серьезный уровень. Это дело было из ряда вон выходящее, потому что свидетелей – тех, которые должны были показать, что Ярилина действительно договаривалась с врачами, чтобы вытащить ребят, – привозили сами военные прокуроры, в наручниках. Есть соответствующие фотографии. Это дело я вел вместе с адвокатом Василием Васильевичем Сызгановым, у которого военные суды – основная специализация. Ярилину осудили, но дали условный срок 20, и она находится на свободе, так что с ней можно связаться. Она, кстати, неоднократно бывала в Чечне.

Р.О.: В первую чеченскую кампанию?

С.М.: Да. Это дело показательно тем, что душили организационную оппозицию, не давали возможность вытаскивать людей из армии – тех, кому не хотелось там служить, на кого оказывали давление, обычное физическое давление. Одного из этих солдат избили, и его уже из госпиталя вытащили.

Р.О.: Его вытащили, потому что его избили?

С.М.: Да. А второй, который был ранен, после госпиталя не захотел возвращаться в часть. Дело возбудили, и несмотря на кучу нарушений (например протокол допроса вели разные люди, даже почерк был разный), никаких реальных доказательств не было. Вытаскивали свидетелей, как я вам уже говорил, в наручниках. К сожалению, существует то, что мы называем «позвоночное право», не от «позвонка», а «по звонку». Звонят высшестоящие судьи или представители власти. Должность судьи является все-таки привилегированной: они получают хорошую зарплату, у них хорошие ставки за выслугу лет, дополнительные оплаты, и все это обидно потерять.

Р.О.: В деле Буданова судье позвонил вышестоящий?

С.М.: Мы это не можем доказать, но есть предположения. Более того, эта практика является «секретом полишинеля»: об этом никто не говорит, но все понимают, что так оно и происходит.

Р.О.: Как можно это доказать?

С.М.: Никак. Точно так же, как то, что заранее выносят приговоры, еще до окончания судебного следствия. Это общая практика: приговоры выносятся до окончания суда, еще до прений сторон, которые считаются, формально, самой важной частью процесса. Это подведение итогов со стороны обвинения и защиты мы называем «выступлением клоунов»: ведь приговор уже есть.

Р.О.: А то, что военных судят военные, является ли это препятствием?

С.М.: Нет, это не препятствие. Да, офицеры, если есть возможность, пытаются скинуть вину на нижестоящих или на рядовых, но это общая проблема, не только военных. Начальство на гражданке точно так же пытается найти «стрелочников» из нижестоящих. Просто у военных это более заметно из-за военной иерархии. Более того, когда ставится вопрос о необходимости существования военных судов, то – да, у них есть специальный отдел уголовных преступлений: дезертирство, самоволка и прочее... Но ведь такие же особые преступления есть у таможенников. И что же – нам теперь создавать делать отдельные таможенные суды? Конечно, формально-юридически такой аргумент имеет силу, но поскольку военные суды и судопроизводство у нас выше по профессиональному уровню, чем общегражданские...

Р.О.: Чем Вы это объясняете?

С.М.: Тем, что они считают себя привилегированной частью судопроизводства, и, может быть, тем, что гражданские суды часто бывают сильно связаны с органами власти. Военные

суды все-таки выделены в отдельную иерархию, и поэтому степень подчинения у них меньше. Хотя все это очень усреднённо, и взяточничество, а также непрофессионализм, там тоже присутствуют. Но в среднем уровень военного правосудия выше.

Р.О.: То есть это лучше, что военные судят военных?

С.М.: Да, как ни странно. Хотя, если брать с чисто правовой позиции, должно быть все у всех одинаково.

Р.О.: А кроме Буданова, кроме Ульмана, Аракчеева, есть ещё дела связанные с Чечней, которые до суда дошли?

С.М.: Есть одно дело, но поскольку там милиционеры, а не военные, дело слушалось в общегражданском суде.

Дело 3 – Полицейский произвол

С.М.: В деле Лапина, я был адвокатом, а Анна Политковская там являлась потерпевшей²¹. Это первое дело, где суд прошел именно в Грозном, по месту происшествия. И это дело оказало большее влияние, чем дело Буданова, потому что принципиальным моментом было то, что суд происходил не за 2000 км в Ростове, а прямо там, в Чечне. Оно начиналось, когда еще шла война – в Заводском районном суде города Грозного.

Р.О.: В каком году

С.М.: Суд начался в 2003, если я не ошибаюсь. То есть война еще шла.

Р.О.: В чем был обвинен Лапин?

С.М.: В нанесении тяжких телесных повреждений с отягчающими обстоятельствами, в превышении должностных полномочий с отягчающими обстоятельствами, в должностном подлоге. Он еще подделывал документы, пытаясь доказать, что это не он. Первоначально ему дали 11 лет лишения свободы – больше, чем Буданову. Верховный суд вернул это дело обратно, и на втором суде, тоже в Грозном, с него сняли только последнюю статью – за истечением срока давности (подделка документов – срок давности 2 года), и дали 9 лет лишения свободы.

Р.О.: В колонии?

С.М.: Да в колонии, в Нижнем Тагиле. Бывшие милицейские сидят отдельно. Кассационная инстанция утвердила этот приговор, слово за Верховным судом. Это дело было особо значимо, потому что впервые показало, что насилие над местными жителями может быть обжаловано в правоохранительных органах. И что они отреагируют, и суд примет реальное решение. То есть до этого в Чечне в течение 10 лет не знали, что такое суд. Там знали, что такое автомат, знали, что такое взятка. И там, было «право взятки», было «право автомата». То есть если пропал родственник, или его убили, вы шли к боевикам и платили, чтобы они своими руками навели порядок, отомстили. А тут вдруг жители увидели, что возможно

восстановление справедливости через суд. Они на этот суд ходили, как на зрелище.

Р.О.: Это было публично?

С.М.: Да. Открыто, публично.

Р.О.: Кто был судья?

С.М.: На втором суде – Маева, чеченская судья.

Р.О.: Первый судья тоже был чеченцем?

С.М.: Да. Межидов. Там была коллегия из трех судей.

Р.О.: Где они образование получили?

С.М.: Образование они могли получить там, но часть из них жила в Ингушетии, в соседней республике.

Р.О.: А прокурор?

С.М.: А прокурор – русский, это тоже было очень важно. Было важно, что и адвокат потерпевшей стороны, и прокурор были русские. Это показало, что речь идет не о межнациональном конфликте, а именно об установлении российских норм права в Чечне. Кстати, если Вы посмотрите на общеизвестный портал Кавказ-центра (сайт кавказских исламистов), то там об этом деле очень много написано. Меня это очень порадовало, потому что активисты Кавказ-центра очень плохо относились к этому делу – для них, чем хуже, тем лучше. А это дело показало, что на территории, которую они считают своей вотчиной, могут быть установлены нормы российского права. Вы ведь понимаете, что принадлежность страны определяется по тому, какое право там в силе.

Р.О.: А мирные жители ?

С.М.: Мирные жители, наоборот, очень уважительно относились к этому процессу; для них это было неким позитивным шоком.

Р.О.: Для Вас это самое большое достижение ?

С.М.: Да. Безусловно.

Р.О.: Больше, чем Буданов?

С.М.: Да, несравнимо. Это, может быть, менее известное дело, но оно более важное. Самый показательный момент был, когда Лапин, который сам пытал заключённых, причём незаконно задержанных, сказал, что у него плохие условия существования – нет полотенца и зубной щетки. Это вызвало смех среди зрителей. То есть, да, это, может быть, нарушение – отсутствие полотенца и зубной щетки, но сам он, вообще-то, занимался пытками над

незаконно задержанными заключенными.

На следующем заседании произошла акция, которая на Западе называется «оранжевой акцией». При этом сами жители не знали, что она так называется. Это произошло стихийно, но очень показательно: все родственники пропавших граждан (около сотни), пришли к зданию суда с полотенцами и зубными щетками, на которых были написаны фамилии их пропавших родственников. То есть «передайте это ему, но пусть он вспомнит: может быть он знает, где мой муж, сын, племянник, и т.д.». Такова была реакция мирного населения на этот суд и я такого не ожидал.

На суде факты раскрывались чудовищные. Прокурор Баталов сказал, что было обнаружено 42 неопознанных трупа – под зданием базирования хантымансийского ОМОНа. Это в бывшем здании интерната для глухонемых – сейчас оно взорвано, и на этом месте пустырь. У меня на сайте висят последние снимки здания: там видна кровь на стенах, брошенная документация, проломленный череп, и видны условия, в которых существовали задержанные. Но, естественно, как проводились пытки, никто не снимал. О них говорили все бывшие узники: дыба, электрошок, подвешивание, иголки под ногти. Сам Лапин использовал так называемый «звонок адвокату»: если кто-то требовал адвоката, он подключал электропровода к ушам и вертел ручку полевого телефона.

Р.О.: Вы ездите в Чечню?

С.М.: Регулярно. Сейчас у меня несколько дел в Чечне. Одно дело – Заура Мусиханова – о неприменении амнистии. Потрясающая ситуация: амнистия есть, но нет порядка ее применения. Получается, что всех, кто хочет идти к Кадырову, пусть даже у них руки по локоть в крови, становятся амнистированными. А кто – нет, объявляются бандитами и получают длительные сроки. Заур Мусиханов успел только выкопать один окоп и пройти маршем по селу. Это все, что ему инкриминируют. После этого он зарыл автомат, а дальше пошел сдаваться. Он отказался идти в Кадыровское формирование и получил 10 лет как бандит. И теперь сидит.

Р.О.: По решению какого суда?

С.М.: Чеченского суда, и Верховный суд России подтвердил этот приговор. Это одно дело. Я еще веду дело «М.»²². Он просил не упоминать фамилию, но для Запада, я думаю, это не проблема. Это единственный человек, который отважился подать заявление в прокуратуру по «кадыровским» незаконным тюрьмам. Изоляторы (временного содержания) признаны, они законные – другое дело, что в них пытаются. А есть места не законные, когда в подвальном помещении содержат десятки людей. И единственный человек, который отважился подать заявление, это был «М.». Он глубоко религиозный человек, но слава Богу, не боевик. Я его очень плохо психологически воспринимаю, он – тяжелый человек, но вера дает ему возможность быть храбрым. Ведь никакой нормальный человек не подал бы такое заявление.

Р.О.: Какого он примерно возраста?

С.М.: Он, наверное, не старый. Но трудно сказать точно – когда человек в исламской одежде и в бороде, возраст стирается. Около 40 лет, может быть, даже моложе.

Р.О.: Бывший боевик?

С.М.: Нет, они по ошибке его взяли, из-за его проповеднической деятельности, а потом отпустили. Причем его даже особо не пытали – просто побили для порядка. Но все равно задержание было незаконным.

Р.О.: Не пытали?

С.М.: Нет, только продержали несколько месяцев – два, кажется. В тот момент я был в Чечне, где-то год назад. Но сейчас дело возбуждено, и находится на рассмотрении. И уже прокурорские работники звонят мне и говорят: «приезжай, бери, есть огромное количество дел по беспределам, которые творились». Это реальный беспредел, но у меня нет денег, чтобы ехать туда и брать эти дела.

Р.О.: А почему прокурор к вам обращается ?

С.М.: Потому, что Чечня есть Чечня: там любят сильных, и если я выиграл дело Буданова, а потом дело Лапина, то у меня там есть имя и сфера влияния. Поэтому обращаются ко мне. Но это означает, что мне надо бросать все здесь и работать там. А кто будет за это платить?

Р.О.: Но это значит, что прокурор хочет, чтобы Вы выиграли дело?

С.М.: Да.

С.М.: Недавно в Прокуратуре произошли изменения: из нее выделился Следственный комитет²³. В принципе, это очень хорошо, потому что когда военная прокуратура устраивала беспредел, то на нее было некуда жаловаться, кроме как в вышестоящую прокуратуру, а вышестоящая спускала жалобу тому, на кого жалуются и т.д. Сейчас следствие и надзор над ним, наконец-то, разделены. И это очень позитивное изменение, но возникла другая проблема...

Все следователи, которые раньше были в Прокуратуре, теперь оказались в Следственном комитете. Раньше это была единая структура: часть Прокуратуры занималась следствием, а остальное – это была функция надзора и др. А теперь следствию сказали «Э-эй ребята, у вас не общее подчинение – вы отдельно». Естественно, Прокуратуре это не понравилось, потому что помимо того, что от нее откололась существенная часть, эта часть к тому же была инструментом давления, самым главным (кто возбуждает дела, кто их ведет, кто передает их в суд). И теперь прокуратура пытается доказать, что Следственный комитет не очень нужен. А Следственный комитет почувствовал свою самостоятельность и хочет доказать противоположное.

В результате сейчас все, к сожалению, исходит из логики этой межведомственной войны. Хотя такое разделение – правильное, потому что давным-давно говорили, что если взять обычное правосудие, когда милицейские следователи нарушают закон, то на них можно

пожаловаться прокурору. А если нарушают «прокурорские», то жаловаться на них некому. Сейчас ситуация изменилась, но она пока еще не приведена к стабильному состоянию.

Какие нужны реформы

Р.О.: А какие, по Вашему мнению, должны быть самые важные реформы в отношении военного правосудия?

С.М.: Общая проблема правосудия, не только военного, но и гражданского – система отчётности по раскрываемости преступлений. Дела начинают выдумывать, чтобы повысить показатель раскрываемости. Официально заявляется, что эта система отменена, но это ложь. Все равно все смотрят на процент раскрываемости, и это – бич системы. Замалчиваются, скрываются все серьезные преступления, поскольку они трудно раскрываемые. Наряду с этим придумываются легко раскрываемые, осуждаются невинные люди. Такова общая система. И надо переходить к отчетности по жалобам граждан. На это представители правоохранительных органов говорят: «как же, все преступники начнут жаловаться». Но на самом деле жалобы преступников всегда будут составлять определенный процент: 10–15%, не больше.

Вторая проблема: несмотря на то, что у нас кодифицированная система права, нам необходимо введение каких-нибудь прецедентных норм. Я понимаю, что мы, конечно, не станем полностью английской системой – это неестественно для нас. У нас неустоявшаяся судебная система, что дает простор для творчества адвокатов. А большая часть наших граждан попадают в руки плохих адвокатов, или же средних. Ведь когда вы идёте к врачу, вы не знаете, хороший он или плохой – вы ориентируетесь либо на имя, либо на рекомендацию, либо играете в лотерею. Следовательно – рискуете.

Именно поэтому, если по идентичному делу принято решение в одном регионе (признано абсолютно законным, проверенным высшими инстанциями и т.д.), то надо, чтобы подобные дела рассматривались таким же образом в других регионах. А, значит, необходимо введение хотя бы каких-то элементов прецедентных норм. Иначе по абсолютно аналогичным делам в разных регионах выносятся разные решения.

Получается, что когда я чего-нибудь добиваюсь в одном регионе и предлагаю абсолютно такое же решение суду в другом регионе, на меня смотрят удивленно: «Что Вы? Широка страна наша... Пусть даже они похожи настолько, что можно только заменить фамилии, всё равно это не имеет к нам никакого отношения».

Далее. По существующим правилам, представленные доказательства рассматриваются с учетом «внутреннего убеждения судьи». Я работаю двенадцатый год адвокатом и пытаюсь все эти 12 лет разгадать тайну, что же такое «внутреннее убеждение судьи». Это – мистическая тайна, и она не поддается разгадке. Моя версия: это то, что судья увидел на потолке. Это я буквально процитировал УПК: «...внутреннее убеждение судьи». Я не знаю что это такое.

Р.О.: А в других странах нет такого?

С.М.: Оценка дается судом – по четким нормам в системе кодифицированного законодательства, как принято во франко-германской системе, к которой мы принадлежим. Но у нас при этом не устоявшаяся правовая система, и у нас «внутреннее убеждение судьи». Вы – судья, и я вам не понравился: например, я вел себя не так, и почему-то у вас есть предубеждение против меня. А другому я понравился, и поэтому он за меня. Причины могут быть какие угодно: или за вами кто-то стоит, или адвокат не понравился, или погода не та... Понятие «внутреннее убеждение судьи» означает, что либо должна быть какая-то шизофрения, либо внутри судьи сидит еще один человек с «убеждениями», либо у него какая-то «говорящая душа». Это все одно и то же. Я человек неверующий, поэтому я не понимаю, что такое «внутреннее убеждение судьи». Я считаю, что все судьи по этой норме должны страдать раздвоением личности.

Р.О.: А по поводу полномочий: что-нибудь надо было бы изменить у прокурора или у судьи?

С.М.: Вернуть институт доследования, безусловно. Что бы не говорили правозащитники. Здесь моя позиция совпадает с позицией Прокуратуры. Дело в том, что сейчас его фактически выдумывают. Есть такая норма, что если в обвинительном заключении есть техническая ошибка, то дело на 5 дней возвращают в прокуратуру. И эти 5 дней не выдерживаются никогда.

Р.О.: Если ошибка техническая?

С.М.: Да, тогда на 5 дней возвращают в прокуратуру. И сейчас это оказывается тем самым доследованием. То есть они по факту понимают, что это необходимо, что оправдательные приговоры вынести не дают, а дело разваливается. И если дело к суду не готово, используется этот момент. Судьи просто вынуждены пойти на извращение закона, я их прекрасно понимаю и сам их поддерживаю. Есть, якобы, техническая ошибка, а на самом деле под этим предлогом производится доследование.

Р.О.: А как они могут тогда ссылаться на техническую ошибку?

С.М.: Ссылаются на то, что в деле есть существенные ошибки – такие, что повлияли на обвинительное заключение, и исправить их может только прокуратура. А пять дней выдерживаются так: сначала говорится, что по почте до прокуратуры все шло месяц – даже если она с судом в одном здании. Потом, с момента принятия дела прокуратурой, отсчитывается 5 дней, и она «отсылает» дело обратно, после чего курьер может потратить на доставку месяц, другой, третий... Вот такой идиотизм получается.

Р.О.: А есть ли статистика, сколько военных были осуждены, и сколько оправданы?

С.М.: По статистике приговоров прошлых лет, и это статистика общегражданских судов – оправдательных приговоров было 0,2%. А для военных судов – то ли 0,3%, то ли 0,4%.

Р.О.: Почти все военные, против которых открываются уголовные дела, наказаны ?

С.М.: Из тех, которые доходят до суда. В ходе следствия дело может быть приостановлено, или же забыто, прекращено...

Р.О.: Много таких ?

С.М.: Да. Это фактические оправдания... За 12 лет работы у меня было всего лишь несколько оправдательных приговоров. Фактическое оправдание – это когда дело прекращается, и человек меняет статус с обвиняемого на свидетеля, либо...

Р.О.: Как это: «меняет статус»?

С.М.: С него снимается обвинение. Фактическое оправдание – это когда в ходе следствия дело приостанавливается и про него забывают. Раньше для этого использовали доследование: в ходе него дело приостанавливали, снимали обвинение, и происходило то самое фактическое оправдание. А сейчас из-за ограничения функции доследования, возникла довольно неприятная ситуация.

“Российское право – не прецедентное”

С.М.: Дело в том, что российское право, поскольку не прецедентное, имеет одну не очень приятную особенность: как вы знаете есть прецедентные системы, как англо-саксонская система общего права, которая действует по ранее принятым решениям. И есть кодифицированные системы. В России традиционно право кодифицировано и относится к европейской континентальной семье, ближе всего оно к немецкому праву. Но дело в том, что там устоявшаяся структура судопроизводства, и от этой кодифицированной системы, шаг влево, шаг вправо считается «побегом» от правосудия. А у нас система неустоявшаяся. В результате по идентичному делу добиваешься победы в одном регионе, а для другого региона это не только не указ, но приходится все делать заново.

Доходило просто до смешного – когда мы уже «на спор» вели идентичное дело, связанное с альтернативной подсудностью по гражданским делам. Мы тогда «на спор» с адвокатами подавали два идентичных иска в разные суды разных регионов. Например, при споре о собственности, можно подавать иск по месту нахождения собственности, а можно – по месту нахождения ответчика. Мы подавали иски в двух разных регионах, прикладывали к ним одни и те же документы, (оригиналы или заверенные копии), и получали разные результаты. Этого не должно быть, но, тем не менее, все так и происходит.

В принципе, развитие российского права происходит через те дела, которые называются стратегическими. Стратегические дела – это дела, влияющие на большее число лиц, чем непосредственные участники данного дела, а также их родственники и ближайшие заинтересованные лица. Но рассмотрение этих дел, конечно, существенно отличается от общего потока. Поток просто следует за ними, как хвост кометы, у которой ядро очень маленькое, а хвост огромный.

Дело Буданова как раз было одним из таких «векторных» дел, с помощью которого можно было влиять на российское правосудие. Но сама структура российского права, к сожалению, остается, во-первых – произвольной, во-вторых – конвейерной. И в конце должен быть обвинительный приговор, именно обвинительный. Сломать эту систему практически невозможно: если дело попадает в суд, оно должно выйти оттуда с обвинительным

приговором, причем неважно, какой это суд – общегражданский или военный.

В военном суде, и это одна из основных особенностей военного суда и военной юстиции вообще, отношение к делу более тщательное и более профессиональное, чем в общегражданских судах. Они стараются себя представить некоей «белой костью», но, конечно, это только в среднем. Т.е. система взяточничества там также развита, возможен произвол, и существует та самая обвинительная направленность. И не из-за того, что там судьи плохие, не профессионалы и т.д. – это, безусловно, не так. Просто действует установка, что дело, попадающее в суд, должно уйти с обвинительным приговором.

Огромный удар в этом плане, как ни странно, нанесли правозащитники, потому что у нас большая часть правозащитников – это люди от семинаров и кабинетов, а не практикующие юристы. Они добились отмены института доследа *дослед – юридический сленг, сокращение от «возвращение дела на дополнительное расследование»*. Если раньше судья видел, что дело разваливается, что дело, поданное в суд, юридически неграмотно, он возвращал его в органы следствия, говоря, что в таком виде суд его не может рассматривать. Очень часто это означало, что дело вообще прекращалось или приостанавливалось. Чтобы не выносить оправдательный приговор, судья его возвращал, а дальше оно умирало на следствии. Прекратив эту практику, суды вынуждены были доводить дела, имеющие крайне низкую доказательную базу, а то и никакую, до обвинительного приговора. Поэтому и число оправдательных приговоров не увеличилось.

Р.О.: Когда это было отменено?

С.М.: С принятием нового УПК (Уголовного Процессуального Кодекса)

Р.О.: Вы считаете это результатом действия правозащитных организаций?

С.М.: Да. это было общее давление. Они пытались привести это в соответствие с европейскими нормами, а оказалось, что привитие европейских норм без смены системы правосудия приводит к плохому «гибридному» результату.

Вторая такая же ситуация была с вопросом ареста. Раньше арест утверждала прокуратура, и это было очень плохо. Это было на усмотрение вышестоящего прокурора, и такая же система была в военных прокуратурах. Сейчас принимать решение об аресте должен суд. Но вместо того, чтобы реально рассматривать необходимость ареста человека, обвиняемого или задержанного, суд теперь просто «штампует» решения о задержании. Если раньше эта система была плохая, но можно было хоть как-то повлиять на нее через вышестоящего прокурора, то сейчас ни на что повлиять невозможно. Теперь, если приходят на суд за решением об аресте, то есть 100% уверенность, что суд не откажет. Вплоть до того, что адвокаты отказываются идти на утверждение в суде ареста, понимая, что это бесполезно, и что подзащитного всё равно арестуют.

Опять-таки, правозащитники считали это своим достижением, потому что они не знали практики, а находились в основном в Страсбурге, или же на семинарах и конференциях. А это «достижение» обернулось тем, что многие лица, которые в иной ситуации могли бы остаться на свободе – по подписке о невыезде, например, – оказались в тюрьме,

арестованными. А если человек арестован и попадает на суд, то это уже не 100%, но во всяком случае 80–90% гарантия, что ему дадут реальный срок. Потому, что есть правило, пусть и не стопроцентное: «из тюрьмы – на зону, из подписки о невыезде – на условный срок».

Роль рекомендаций Страсбургского суда

Р.О.: А все-таки о тех делах, которые в Страсбургский суд отправляют?

С.М.: Знаете, у нас правозащитники устремляются в Страсбург, и я прекрасно понимаю, почему: потому что там вести дела намного легче, чем в России. В реальности у Стасбурга есть огромный минус: во первых, все силы переориентировались на Страсбург, и правозащитники не занимаются в должной мере вопросом реформирования российских судов. И это огромная проблема, которая больше всего ударила по Чечне. Очень больно ударило по Чечне решение, что Страсбург напрямую берет дела в Чечне, минуя российскую стадию судопроизводства. Юристы перестали давить на местные правоохранительные и судебные органы в Чечне – за исключением таких организаций, как чеченский «Мемориал». При этом появилась целая когорта юристов, которые говорят, что они ведущие специалисты по Чечне, которые – обратите внимание – ни разу в Чечне не были, но, поскольку они находятся на Западе, то западные специалисты слышат их, а не тех, кто работает в Чечне.

Р.О.: Скажите, какой юридический статус имеют рекомендации Страсбургского суда?

С.М.: Российская правовая традиция говорит как раз о том, что рекомендательные нормы являются нормами игнорируемыми. Таким образом, *de facto*, эти решения оказываются юридически ничтожными. Страсбургский суд имеет влияние только как факт давления – в связи с тем, что это еще одна инстанция, с помощью которой можно давить на российскую судебную систему. И именно потому, что в сфере надзора российская судебная система бездействует. Количество отмененных приговоров в Верховном суде составляет около 2%, даже меньше. Это значит, что надзорная инстанция не действует. Это значит, что осужденный практически лишается шанса на исправление своей ситуации, или же он сводится к арифметической погрешности, к ничтожному минимуму. Страсбург в этом плане – это еще один шанс. Но со Страсбургским судом произошла очень неприятная ситуация: люди, чьи права нарушены, а в России их огромное число, посчитали Страсбург еще одной высшей инстанцией, при этом юристы, которые занимаются Страсбургом, забывают говорить им о том что Страсбург не рассматривает дела по-существу. Ведь людей обычно интересуют какие вопросы? – Было или не было преступление, справедливо ли наказание, соответствует ли оно содеянному, правильно ли квалифицировали... Это начинается в Чечне и заканчивается в других регионах России.

И когда я в той же Чечне говорю, что эти вопросы Страсбург не решит – он не освободит вашего сына, не признает, что убийца вашего родственника является преступником, – на меня смотрят, как на человека, который пытается отнять последнюю надежду. И именно из за того, что происходит ложь умолчания в отношении Стасбурга. Страсбург – это очень хорошая вещь, и это еще один инструмент влияния на российское правосудие, но он привел к тому, что акцент деятельности переместился на вещь факультативную. Это

факультативная вещь – по сравнению с задачей реформы национального правосудия. Основной акцент должен быть сделан на том, чтобы дела рассматривали по существу в наших – какие бы плохие они не были – именно в наших судебных органах, на наших судах, в том числе – военных. А у нас все занимаются Страсбургом.

Страсбург, помимо безусловного позитива, дает и очень серьезные отрицательные последствия – именно из-за того, что получился очень серьезный перебор в интересе к нему. Плюс к этому, возникает правовая проблема, о которой не упоминается, и которая не решена: Страсбургский суд работает по прецедентам. А российская система абсолютно не воспринимает прецеденты. И даже постановления пленума Верховного суда России, а по военной части – Высшего военного суда России (там такая же иерархия, она как бы идет параллельно), имеют рекомендательный характер. А как я вам уже говорил, рекомендация – это то, что можно игнорировать. Да, к ним могут иногда присмотреться, но это – не вопрос обязательного прецедента Страсбургского суда.

*Опубликовано на сайте The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies:
<http://pipss.revues.org> (там же даны ссылки на французскую и английскую версии)*

Акция против похищений людей в Грозном

29 мая 2008 года в Грозном недалеко от офиса Уполномоченного по правам человека в Чеченской Республике прошел пикет родственников похищенных людей, приуроченный к визиту в республику Владимира Устинова, полномочного представителя президента в Южном федеральном округе. Около десяти человек держали плакаты с фотографиями исчезнувших молодых людей. В руках одной из участниц – небольшой транспарант с надписью: «Верните наших сыновей!».

Станислав Маркелов: «Похищения – одна из самых острых проблем в нынешней Чечне. И один из самых доходных видов бизнеса. Да, сейчас их стало меньше в сравнении с началом 2000-х годов, но тем не менее масштабы явления остаются существенными. Если раньше большинство претензий было обращено к «федералам», то сейчас, по признанию местных жителей федералы этим перестали заниматься вовсе. В основном виновными в похищениях называют сотрудников официальных и полуофициальных вооруженных формирований. Причем как «кадыровцев», так и противостоящих Кадырову группировок. Так, при расследовании прокуратурой деятельности батальона «Восток»²⁴ выявляется немало примеров такого рода.

Естественно, в случае, если похищают люди, пользующиеся покровительством высоких лиц, надежд на правоохранительные органы мало. Кроме того, люди просто опасаются за безопасность свою и близких. Поэтому родственники похищенных, как правило, пытаются освободить их, используя неофициальные каналы. Это, кстати, сильно искажает статистику.

То, что люди, несмотря на все опасения, вышли на открытую акцию протеста, показывает, что терпение кончается. Жители республики наконец хотят настоящего правопорядка. Возможно, свою роль сыграли и надежды на вновь назначенного Полномочного представителя Президента В. Устинова, который по прежнему месту работы имеет репутацию жесткого чиновника, не останавливающегося перед крутыми мерами.

Полностью опубликовано на сайте Институт Коллективного действия: www.ikd.ru

Преодолевать трудности

Последнее большое интервью Станислава Маркелова, которое он дал Дмитрию Рублеву для сайта Рабкор.ру 26 октября 2008 г.

[Дмитрий Рублев]: Станислав, Вы президент Института верховенства права. Не могли бы Вы рассказать нашим читателям, что это за организация, какие цели она перед собой ставит?

[Станислав Маркелов]: Деятельность Института верховенства права часто отождествляют только со мной, воспринимая ее как организацию, которая существует вокруг одного человека. Это заблуждение, на самом деле все не так. У нас отделения в 22 регионах России, если не ошибаюсь, плюс отделение в Белоруссии, плюс партнерские организации с похожими структурами или отдельными юридическими образованиями в других странах СНГ. Но сначала организация возникла именно как профильная юридическая, т.е. как объединение независимых адвокатов, юристов, ведущих дела общественно значимой социальной направленности, для взаимной поддержки, передачи друг другу дел, поскольку такие дела связаны с особым риском их ведения, они сейчас, так скажем, не очень популярны, это не дела по бизнесу...

Д.Р.: И не оплачиваются...

С.М.: К огромному сожалению, я просто вынужден это подчеркнуть и поставить множество восклицательных знаков: с оплатой мы не можем помочь. Основной вопрос здесь – это взаимоподдержка, координация усилий, ну и помощь тем, кто ведет такие дела, так как люди, попадая в орбиту социально значимых дел (их еще называют «стратегическими делами»), обычно просто не очень умеют их вести. Такие дела сильно отличаются от общего порядка дел.

Со временем функции института значительно расширились. Мы стали выступать как партнеры целого ряда организаций, которые постоянно имеют проблемы из-за их преследования со стороны судебных инстанций, правоохранительных органов. Например, мы выступаем постоянными партнерами по делам, связанным с уголовными преследованиями журналистов. И мы завязали дружеские контакты как с обслуживающими организациями юридического профиля, например по защите социальнотрудовых прав, так и с социальными организациями, возник обмен информацией, мы стали выпускать собственные издания, брошюры. К сегодняшнему дню мы издали пять таких брошюр. И деятельность института сильно расширилась, вышла за пределы чисто юридической. Теперь

в нашем составе есть и социологические отделения, психологи, журналисты, которые интересуются общественной тематикой, ну и люди, так или иначе сталкивающиеся с правовой и с правозащитной деятельностью.

Многие считают институт чисто правозащитной организацией. Это не так. Скорее, это социально-правовая организация, так как изначально все-таки ее костяк – профессиональные юристы, воспринимающие свою деятельность как часть социальной, а не как просто профессиональное обеспечение своих прав. В дальнейшем мы сделали акцент на информационной работе, подняв свой сайт до такого уровня, что он стал интересен – уже можно сказать с определенностью – не только юристам, но всем, кто интересуется крупнейшими делами, которые существуют у нас в России, – политическими делами, правовыми и социальными конфликтами. И сейчас по посещаемости он находится на уровне информационных порталов, хотя мы не ставили своей задачей сделать информационный портал со штатом работников, постоянным обновлением информации. Делали ставку на выделение той информации, которую невозможно найти где-либо еще.

Кроме того, мы активно участвуем в социальных проектах, например в тех же социальных форумах, которые бывают как юридические, так и чисто социальные. И еще: мы пытаемся действовать в тех сферах, которые выпадают из активности как правовых, так и социальных активистов, хотя имеют особое значение для ситуации в России вообще. Я имею в виду «горячие точки», где приложение наших усилий особо значимо. Сейчас это вопросы преступлений, связанных с социальной и национальной рознью. Ну и, наконец, те самые особо значимые общественные и социальные дела, которые, собственно, и явились профилем, целью создания нашего института.

Д.Р.: Громкий резонанс в СМИ, интернет-изданиях, среди активистов левого движения и социальных инициатив не так давно вызвало нападение на главного редактора «Химкинской правды» Михаила Бекетова²⁵. Насколько известно, вы вели и ведете до сих пор его дело?

С.М.: Я адвокат Михаила уже почти год. Интересно, что он тогда уже находился в ситуации постоянного давления со стороны правоохранительных органов и административных структур, чуть ли не под психической атакой. Людей, которые хотели его защищать, было крайне мало. Сейчас, когда произошло это чудовищное нападение, его имя не сходит со страниц газет и с телеэкранов. Мне хочется спросить: где ж вы были раньше?

Ситуация по этому делу выглядит очень интересно и потому, что, когда возникло дело о клевете, можно было сразу сказать, что это не просто дело, а именно организованное давление со стороны заинтересованных структур, не имеющее ничего общего с какими-либо правовыми основаниями. Бекетову поставили в вину то, что он подозревает в причастности к взрыву его автомобиля главу администрации города Химки. При этом само дело по взрыву автомобиля еще не было расследовано, оно находилось на стадии предварительного следствия. Совершенно очевидно: какая же тут может быть клевета и заведомая ложь, если само дело еще до сих пор расследуется? Уже во время суда был выявлен факт прямой подделки доказательств. И этот факт оказался просто умопомрачителен, поскольку в заявлении одного из свидетелей, Егорова, было прямо сказано, что Бекетов занимается

клеветой на органы власти и дестабилизирует политическую ситуацию в обществе – ни много ни мало. Этот Егоров оказался оператором Рен-ТВ. И когда он пришел на суд, то был крайне удивлен, что давал такие показания, потому что самого Бекетова он впервые увидел, когда у того взорвали машину.

Д.Р.: То есть он не давал показаний, и это было кем-то написано вместо него?

С.М.: Совершенно верно! Это прямая подделка. И эта подделка была сделана от имени работника Рен-ТВ! Мы тут же потребовали возбуждения уголовного дела, но у нас суд и следствие объективны только на бумаге – и, естественно, судья просто сделала все, чтобы не принять заявление, хотя она обязана была это сделать. Прокурор вообще выдал шедевр: да, мы подтверждаем факт фальсификации, но это мелкое техническое нарушение, поэтому заявление мы не примем. Я цитирую. Мы – Бекетов и я, подали заявление о должностном преступлении. В ответ мне пришла умопомрачительная бумага за подписью референта отдела по делам лиц, имеющих массовый правовой статус, из Генеральной прокуратуры РФ: мое заявление, ответили мне, передано на рассмотрение в Ямало-Ненецкий автономный округ.

Д.Р.: М-да... А кто тут ненец, Бекетов?

С.М.: Ну вообще-то, Химки всегда были в Московской области. Поэтому, прочитав ответ (он есть у меня на руках), я направил в Генпрокуратуру заявление (которое тоже могу представить), где было прямо написано, что я с удовольствием ознакомился с этим ответом, но поскольку очень занят, наверное, пропустил реформу, которая присоединила город Химки и Московскую область к Ямало-Ненецкому автономному округу. А если следовательно, который занимался подделкой, прячется в тундре среди хантов-оленоводо, то его надо объявлять в федеральный розыск, потому что он и там будет фальсифицировать доказательства. На это заявление я до сих пор ответа не получил. А Михаил Бекетов в ответ на свое заявление, к сожалению, получил вот тот самый визит гостей, который так печально закончился.

Я не связываю напрямую заявление и факт нападения. Но с другой стороны, понимаю, что, раз попытка быстро его осудить и оказать на него давление усилиями правоохранительных органов и суда закончились ничем, вполне возможно, что они просто перешли к давлению не через прокуратуру, а через кого-либо еще. И это, пожалуй, самый важный момент, дело в том, что следствием по делу Бекетова занимаются правоохранительные органы, которые Бекетова незаконно преследовали за клевету и преследуют до сих пор – дело же ведь никто не отменял, он и сейчас находится под судом за клевету. Дело расследуют те же самые органы, которые обвиняли его в клевете. Более того, это те самые органы, которые он сам обвиняет в совершении не должностного проступка, а именно преступления. Получается, что они объективно должны расследовать и проявлять рвение в отношении потерпевшего, который их же обвинял. Основная задача сейчас – это, конечно же, во-первых, перевод дела в федеральные следственные структуры, чтобы они находились вне пределов следственных органов того региона, который хотя бы административно должен отвечать за совершение зверского преступления против общественного деятеля. Во-вторых, подтверждение того факта, что это было покушение на убийство, а не просто какое-либо хулиганское нападение.

Все эти тактические вещи – нормальная адвокатская борьба, которая ведется в рамках особо сложных дел.

Д.Р.: СМИ сообщили, что в совершении преступления подозревается бывший сотрудник милиции. Как Вы прокомментируете эту информацию?

С.М.: С этим человеком я лично беседовал. Он сам, можно сказать, и вышел на журналистов, и общался со мной. Но он утверждает, что не имеет никакого отношения к делу, что это подстава, выдвигает свои версии, но чисто гипотетические, именно предположения. Самое интересное, что, несмотря на этот слив, к нему никакие сотрудники милиции не приходили ни разу. Соответственно можно говорить о прямом сливе с целью ввести в заблуждение средства массовой информации и общественное мнение.

Д.Р.: Вы ведете дело Алексея Олесинова²⁶, антифашиста, арестованного за драку с охранником клуба «Культ». Не так давно по интернетСМИ прошла информация о многочисленных нарушениях, допущенных в отношении него следствием. В чем, на Ваш взгляд, причины ареста Олесинова и в каком состоянии сейчас находится это дело?

С.М.: Дело более чем странное – по той причине, что реально-то дела никакого нет. У Олесинова была, еще в августе, небольшая стычка с охранником клуба. Подобные стычки в Москве бывают очень часто. По так называемому дресс-коду охранники не пропускают в клубы молодых людей, а молодые люди начинают возмущаться и пытаются прорваться. Таких людей было около сорока. Они стали возмущаться, началась толкотня с охранником. По показаниям и самого Алексея, и тех, кто там был, охранник сам первый нанес удар. У них завязалась легкая стычка, не закончившаяся ничем. Никаких травм, ни, как я понимаю, даже синяков ни у кого не было, а после этого уже сам Олесинов был задержан сотрудниками милиции, которые составили протокол об административном задержании, взяли с него разъяснения. Сделали нормально свою работу и отпустили. В крайнем случае – это административный проступок, за который можно наложить штраф или же, как в данном случае, отделаться выговором, что более чем распространено. И вдруг через два месяца возбуждается уголовное дело. По этому делу Олесинова не только задерживают, но ему предъявляют обвинение. И более того – после этого его еще и арестовывают. Если двигаться такими темпами, то у нас скоро будут арестовывать за безбилетный проезд в общественном транспорте. Тем более что Алексей москвич и, естественно, никуда не собирался бежать. Тем более что он ранее не судим и за примитивное хулиганство у нас вообще как-то не принято арестовывать людей. Ну, если, конечно, вдобавок к этому хулиганству человек не совершил еще серию преступлений или же имел непогашенный срок. Все дело разъяснилось очень просто, когда я увидел два документа, на которые сейчас могу сослаться, потому что они были оглашены на суде по мере пресечения. Это постановление о привлечении в качестве обвиняемого и постановление о ходатайстве в выборе меры пресечения содержания под стражей. Первой же строчкой написано, что Алексей Олесинов является неформальным лидером движения антифа и это движение имеет противоправный характер. Там более сложная формулировка, но смысловая нагрузка именно такая. Поскольку это поставлено во главу угла, понятно, что его судят не за какую-то непонятную стычку с охранником, которая произошла давным-давно и за которую он уже понес административное наказание, а именно за то, что он участвует в антифа-движении. И

кроме того, я совершенно не понимаю, почему следствие уже заранее решило, что антифа-движение носит антиобщественный характер. У нас вроде никаких решений судов по этому поводу не было. Из всех политических организаций я знаю такие решения по Национал-большевистской партии, но уж никак не по движению антифа. В связи с чем этот вывод сделало следствие и почему это поставлено во главу угла, ну... пусть они попробуют ответить. До сегодняшнего дня никаких ответов нет. Остались только документы, указывающие, что человека обвиняют за то, что он является лидером антифа-движения, молодежной части, так скажем. И оказывается, за это он может быть не только обвинен, но и арестован.

Д.Р.: В ряде интернет-СМИ прошла информация, что это дело было объединено с делом об убийстве Федора Филатова²⁷. Правда ли это и с чем Вы связываете такой ход дел?

С.М.: Оно не объединено с делом об убийстве Федора Филатова, а связано с последующей серьезной дракой, которая была у того же клуба «Культ». Там действительно после этого была очень серьезная драка уже с тяжкими последствиями. Но даже оперативные работники говорят, что у человека могут быть два железных алиби: либо человек мертв, либо он сидит. В момент этой драки Алексей Олесинов сидел в УВД «Таганское» за вот эту вот мелкую толкотню с охранником. И присоединять его к этому делу – более чем странно. Разве что инцидент с охранником произошел приблизительно рядом с тем же местом, где потом была одна большая драка. Но в одном месте, к сожалению, может совершиться много разных преступлений в течение многих лет. Как, почему это определено, совершенно непонятно. Кроме того, совершенно непонятно, почему данное дело находится на личном контроле первого заместителя министра внутренних дел, если, конечно, подтвердится информация, которую я знаю только из устных источников.

Д.Р.: То есть дело о хулиганстве теперь берет под личный контроль заместитель министра?

С.М.: Ну, наверное, у нас в стране нет более серьезных дел, чтобы первый замминистра МВД лично контролировал дело о хулиганстве. Я думаю, что это, наверное, такое особо значимое дело! А дела об организованной преступности, дела о тяжких преступлениях, ах – они не столь значительны. Далеко не каждое из них удостоивается личного внимания таких высоких персон.

Д.Р.: А информация об объединении дел Олесинова и Филатова? Она достоверна?

С. М.: Да, такая информация была. Она, видимо, связана с тем, что дело расследуется фактически тем же следовательским составом и в том же самом следственном отделе. Таким образом, можно говорить о фактическом объединении этих дел. Формально, может быть, они имеют разные номера.

Д.Р.: Вы достаточно давно занимаетесь вопросами, связанными с нарушением прав человека на Кавказе и в Закавказье. Не могли бы Вы рассказать о деятельности Вашего института на этом поприще?

С. М.: Я занимаюсь проблемами Северного Кавказа аж с 1994 года. В том году я первый раз выезжал в этот регион – был в Северной Осетии, в Ингушетии, в Пригородном районе, в зоне

осетино-ингушского конфликта. На тот момент первая война в Чечне еще не началась. Она началась 11 декабря. Но тогда уже были столкновения внутричеченского характера, связанные с «лабазановцами» и «гантемировцами». В любом случае, тема Кавказа оказалась в сфере деятельности института в силу ее особой значимости и особой напряженности. Может быть, просто несколько менялась направленность интересов. Там, где наиболее сложная ситуация, – там мы активнее всего работали. На протяжении многих лет, конечно же, основным пунктом приложения усилий была Чечня. Совсем недавно – Ингушетия, в связи с последними событиями, убийством Евлоева²⁸ и т. д. Кстати, во всех делах, связанных с Кавказом, как в ведущихся на Кавказе, так и выходящих в других регионах, но непосредственно затрагивающих кавказскую реальность, работал я лично либо адвокаты из моего института. Я просто перечислю: дело Буданова (работал я), дело Ульмана (со стороны потерпевших работала наш адвокат Тихомирова, я не знаю, каково сейчас состояние этого дела, может быть, и работает до сих пор), дело по убийству Евлоева (работает наш адвокат Магомед Абубакаров). Дела, связанные с совершением особо значимых преступлений в Чечне, практически целиком охвачены нашими адвокатами. Я работал по делу «Кадета» – это федеральный офицер, омоновец, осужденный непосредственно в Грозном за тяжкое преступление, когда еще на улицах продолжались боевые действия. И тогда уже удалось начать восстанавливать судебную систему в Чечне. Сейчас активно работаем по осетино-грузинскому конфликту. И вот последнее наше крупное мероприятие: нам удалось провести большую конференцию по проблемам Северного Кавказа на Социальном Форуме в Мальме, где произошла уникальная вещь. Представители Южной Осетии и Грузии смогли не только демонстративно пожать друг другу руки, но и договориться о целом ряде практических вещей для ликвидации последствий конфликта.

Д.Р.: Это представители каких-то конкретных общественных организаций? Каких договоренностей удалось достичь?

С.М.: Вся конференция проходила под эгидой нашего института. Там были представители Южной Осетии, Абхазии и Грузии. Но доминировала в связи с войной тема Южной Осетии и Грузии, естественно. Партнерами с западной стороны, поскольку это общая практика социальных форумов, выступали наши давние коллеги – «Профсоюзный конвой»²⁹. Это профсоюзная организация из Франции, мы их очень хорошо знаем, поскольку еще во время активных боевых действий в Чечне они не просто сплавляли гуманитарную помощь, чтобы ее спекулировали там на черном рынке, а пытались приехать в Чечню и раздать ее там нуждающимся. Мы предоставляли им своих юристов в качестве «сталкеров», проводников в Чечню, чтобы они смогли провести французскую делегацию. Что касается представителей из Южной Осетии и Грузии, то здесь также сложились тесные отношения. Причем это не были какие-то маргиналы или заранее питающие к другой стороне симпатию. Достаточно сказать, что представитель Южной Осетии приехал на Социальный Форум в Мальме, только-только отвоевав в Цхинвали. Насколько я знаю, он был ранен. Сейчас он лечит зрение из-за последствий ранения. Что касается представителей Грузии, мы не очень хотим их раскрывать по одной простой причине. Ситуация в республике, к сожалению, достаточно накалена, и те, кто активно общается с российскими представителями, уже имеют определенные проблемы. А уж те, кто соглашается общаться и общается с представителями Южной Осетии и Абхазии, тем более рассматриваются властными структурами как нежелательные элементы. Я отнюдь не собираюсь обелять российскую сторону, но это

грузинские реалии. А я гражданин России, а не Грузии. Поэтому коллег из Грузии, какие организации они представляют и как их зовут, раскрывать не буду.

Д.Р.: Какова специфика дел, которые приходится Вам как адвокату и Вашим коллегам вести на территории Чеченской республики?

С.М.: Это одно из наших профильных направлений. Достаточно сказать, что в Чечне я бываю приблизительно раз в месяц, может быть, раз в полтора месяца. Плюс в соседних регионах (Дагестан, Ингушетия, Осетия). Дела там имеют всегда особый характер и особую сложность. Достаточно сказать, что на территории Чечни за последние несколько лет убиты шесть адвокатов. Плюс к этому надо учитывать, что там произошла полная деградация правовой системы. На протяжении более десяти лет у них не было никаких судов, даже столь неразвитых и достойных критики, как у нас в России. У них были какие-то суррогатные правовые системы вроде шариатского права или там полевых судов. Но к нормальному суду они не привыкли, и приходится ломать тенденцию, когда адвоката рассматривают только как посредника во взятках, человека, который принесет конверт следователю.

Д.Р.: А в каком случае в ход дела вмешиваются Ваши представители?

С.М.: В основном это происходит через дела, что имеют особую значимость для положения в Чеченской республике или могут оказать влияние на ситуацию с правовой системой вообще, в самой ли Чечне или во всей России. Ну, понятно, что это такие дела, как дело Буданова, дело Ульмана³⁰... Они оказывают влияние на всю общероссийскую правовую ситуацию. В то же время, поскольку наши люди на Кавказе постоянно там работали, а люди там проверяются на тех делах, где они реально рискуют, и очень часто рискуют собственной безопасностью, в Чеченской республике и в соседних регионах мы имеем, пожалуй, самое боевое и крепкое отделение нашего института и в профессиональном, и в личном плане.

Д.Р.: Там работают филиалы Вашей организации?

С.М.: Да, безусловно. Филиалы имеются в достаточно большом количестве регионов Российской Федерации. Более того, надо учитывать, что ряд организаций вошли к нам именно как коллективные члены, как адвокатские объединения. А поскольку работа идет всегда через людей – данное отделение является сильным и серьезным.

Д.Р.: Читая материалы сайта Института верховенства права, я натолкнулся на весьма интересный материал о деле бывшего боевика чеченских сепаратистов Заура Мусиханова. Что бы Вы могли сказать об этом деле, в каком состоянии оно находится в настоящее время?

С.М.: Начну с конца. В плохом состоянии. Мусиханов сидит. Два слова об этом деле. Особая проблема в Чечне, к сожалению, малоизвестная в России, но очень острая – это вопрос неприменения амнистии, или вернее сказать, выборочного применения амнистии. Людям, которые приходят из сепаратистских боевых структур, предлагают на выбор либо переходить в официальные военные формирования кадыровцев, либо на них заводят уголовное дело и сажают как «бандитов». При этом не имеет значения, что человек реально совершил. Был ли он мародером, реально ли бандитствовал, расстреливал пленных или же, как в случае Мусиханова. Он находился в составе вооруженного формирования лишь около

двух месяцев и за это время успел вырыть окоп, куда бегал с автоматом, но никаких серьезных преступлений за ним не числилось, даже по данным наших силовых структур. В этом случае можно доверять этой информации, так как понятно, что наши силовые структуры не стали бы обелять чеченца. Пошел он в незаконное вооруженное формирование тоже по понятной причине. Во время бомбардировок Урус-Мартана у него погибло одиннадцать родственников сразу³¹, за одну минуту. После этого он ушел в незаконное вооруженное формирование. Побыв там два месяца, он понял, что это не его дело, вернулся домой и зарыл автомат. По официальным источникам, все патроны, которые у него были, остались нерасстрелянными, что еще раз доказывает, что он не принимал участия в боевых действиях. Чем это дело уникально? Ситуация, к сожалению, распространенная. Узнав об амнистии, он пришел в милицию и написал заявление. Однако вместо амнистии был объявлен бандитом и получил длительный срок лишения свободы – 10 лет. За что он сидит – совершенно непонятно, все оправдывающие его сведения находятся даже в приговоре суда. Более того, прошла вторая амнистия, в которую должны были быть включены статьи, которые были ему вменены. Самое удивительное, что суд просто забыл о состоянии амнистии и узаконил практику ее выборочного применения. Получается, что человек, который лоялен власти или может заплатить, получает амнистию. Тот, кто просто не хочет дальше воевать, хочет уйти от ношения оружия, от боевых действий, оказывается в зоне. И ситуация очень плохая, потому что Мусиханов продолжает отбывать свой срок. На примере этого дела можно выявить, что применение амнистии в Чечне не содействует урегулированию ситуации. С одной стороны, уходят от ответственности реальные бандиты, с другой – применяют санкции и очень серьезные наказания в отношении лиц, как раз достойных того, чтобы они находились на свободе.

Д.Р.: Насколько я знаю, Ваш Институт и Вы лично неоднократно вели дела, связанные с профсоюзами и трудовыми конфликтами. Есть ли сейчас какие-то судебные дела с подобной спецификой, достойные упоминания?

С.М.: Могу рассказать очень интересный анекдот. Буквально анекдот, но взятый из жизни. Я как-то общался со своим коллегой из Испании, и, рассказывая в частной беседе об особенностях своей работы, я спросил: какие категории адвокатов являются наиболее элитными в Испании. Я ожидал услышать «специалист по налоговому праву, финансовым спорам, корпоративным конфликтам, экономическим преступлениям». Но я услышал, что это специалисты по трудовому праву и трудовым конфликтам.

Д.Р.: А почему так? Это так денежно? Или их просто мало? Да так мало, что приходится их искать?

С.М.: Я крайне удивился, потому что, если сейчас ради интереса вы пройдете мимо объявлений адвокатских и юридических консультаций по оказанию услуг, очень часто увидите приписку: «Кроме трудовых дел и дел по социальному обеспечению». Это общераспространенная приписка. Ситуация очень простая. Если у нас возникает спор между работником и работодателем, то судится лично слесарь Пупкин и какой-либо работодатель. Естественно, у слесаря Пупкина никогда не было нормальных денег на адвоката. Естественно, суд почему-то всегда пристрастен в пользу работодателя. Странная тенденция, но вполне обычная. Если там возникает конфликт и доходит до испанского суда,

то с одной стороны всегда выступает профсоюз, который имеет возможность организовать очень хорошую кампанию в защиту своих членов и юридическую поддержку, а с другой – выступают объединения и ассоциации работодателей. Уровень конфликтов сразу переходит совершенно в другую плоскость и совершенно на другой качественный уровень. Мы активно работали и до сих пор сотрудничаем в сфере трудового права, но не можем делать это своей профильной областью, поскольку она до сих пор является сферой просто невыгодной, хотя у нас есть и специалисты по трудовому праву, и люди, которые работают в этой области. Более того, я был рецензентом действующего Трудового кодекса и тогда еще в стенах Госдумы проводил правовую конференцию, давшую резко отрицательную оценку Трудовому кодексу, по которому мы сейчас – не могу сказать «живем»... По нему невозможно реально проводить трудовые отношения, которые у нас формально присутствуют. Мы проводили целый ряд дел, связанных с профсоюзными конфликтами. Пожалуй, одно из самых интересных дел – связанное с контролерами на железнодорожном транспорте³², их увольнением, где из-за частного факта нарушения по увольнению удалось поменять ситуацию в стране вообще, связанную с массовым незаконным побором с граждан. Один вопрос: если вы опаздываете на электричку и не покупаете билет, а мимо проходит контролер, имеет ли он право с вас брать штраф помимо стоимости билета? А теперь стоит подумать: берет он штраф, а РЖД же у нас ОАО, т.е. частное предприятие. Это что ж получается: государственные штрафы у нас берет частное лицо в интересах частной кампании, а в бюджете, в доходной статье государственных и муниципальных органов нет такой графы, как получение денег от штрафов за незаконный проезд на электричках. Суммы оказываются просто астрономические, поскольку у этих контролеров и ревизоров даже был план по снятию штрафов. И если они не выполняли его, то их уже самих штрафовали за невыполнение рабочих обязательств. Ситуацию удалось переломить так, что сейчас штрафы с граждан не берутся, берется, естественно, стоимость проезда, и квитанция выдается за оказание услуг по продаже билета прямо в электричках. Эта сумма значительно ниже, чем стоимость штрафа. Одним частным случаем удалось сэкономить многим и многим сотням и тысячам людей деньги, которые раньше шли неизвестно куда. Это частный пример трудового конфликта, который рассматривался в пределах нашего института.

Д.Р.: Ваша деятельность распространяется и на Белоруссию?

С.М.: Беларусь была зоной приложения наших усилий, когда там были особо напряженные отношения и конфликты. К сожалению, сейчас ситуация для работы в Белоруссии крайне неблагоприятная, поскольку независимую адвокатуру фактически задавили. Там есть адвокаты, полностью подчиненные государственной юридической системе, а те независимые, которые остались, боятся входить в сколько-нибудь серьезные дела, потому что их просто лишают лицензии, они остаются без работы.

Д. Р.: Серьезные дела какого рода?

С.М.: Имеющие общественный характер. Адвокаты остаются без лицензии, поэтому вести там активную работу крайне тяжело. Я могу даже сказать, что в рамках Дня единых действий удалось провести конференцию в Минске³³ 24–26 января 2008 года. И то она прошла с огромными сложностями. Неоднократно приходилось покидать помещение, где

должна была проходить конференция, многих активистов и просто людей, приехавших туда, отнюдь не протестных деятелей, а юристов, снимали с автобусов и поездов, не давали проехать. И мы вынуждены были проводить конференцию в полуподпольном режиме. Хотя конференция планировалась как исключительно мирная, скорее юридическая, научно-практическая. Там собирались активисты социальных движений, профсоюзов, юристы. Это уж никак не протестное «сборище», тем более не митинг! Но даже такого уровня активность сложно проводить в Белоруссии. В Белоруссии у нас остается отделение, но, к сожалению, остается тенденция к оттоку людей. Так, например, один из наиболее активных наших юристов работал в Белоруссии, но сейчас собирается переехать в Литву. Ему просто не дают работать. С другой стороны, представители Белоруссии по линии нашего института ездили с нами в Мальме и очень активно принимали участие во всех мероприятиях.

Д.Р.: Ну и заключительный вопрос. Есть ли надежда на рост Вашего института, подобных юридических инициатив, работающих по социальным конфликтам, по нарушениям прав простых смертных?

С.М.: Есть циничная юридическая поговорка: «Надежда умирает под следствием». Я, конечно, не хотел бы заканчивать нашу беседу на такой пессимистической ноте. Хотя и говорится, что пессимист – это хорошо информированный реалист, но реальные возможности и планы, которые у нас имеются, – несовпадающие величины. И мы вынуждены ограничивать возможности своей деятельности по целому ряду причин. По финансовой причине, так как мы – организация, не имеющая внешних источников финансирования вообще. Почти единственный источник финансирования деятельности института – адвокатские гонорары, мои и моих коллег. Это и организационные причины: люди просто не хотят рисковать. Это и постоянное противостояние прессу, особенно в регионах.

Давление идет совершенно с разных сторон. Поэтому каждый раз приходится не просто работать и осуществлять социальные проекты, а именно преодолевать возникающие трудности.

Опубликовано на сайте www.rabkor.ru

Версия #2

Зверобой создал 14 апреля 2025 22:10:25

Зверобой обновил 14 апреля 2025 22:58:26